

A black and white photograph of a woman's face and hands, partially obscured by a bouquet of bright yellow flowers. The woman's hair is dark and voluminous. Her hands are gently holding the stems of the flowers. The background is a soft, out-of-focus grey.

НИКОЛАС СПАРКС

Новинка!

*Взгляни
на меня*

Николас Спаркс

Взгляни на меня

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21619572

Взгляни на меня: Издательство АСТ; М.; 2016

ISBN 978-5-17-094079-0

Аннотация

Новый мировой бестселлер от короля романтической прозы Николаса Спаркса!

История страсти, одержимости, переоценки ценностей и любви, преодолевающей любые преграды!

Колин Хэнкок за свои двадцать восемь лет совершил немало ошибок, но все же нашел в себе силы отступить от самого края пропасти. Теперь его жизнь – это учеба, работа, спорт и никаких серьезных отношений. Но случайная встреча с обаятельной Марией Санчес меняет все – у них обоих появляется надежда стать счастливыми.

Однако прошлое Марии внезапно напоминает о себе – над ее жизнью нависает угроза.

На что пойдет Колин, чтобы защитить женщину, которую он по-настоящему любит?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	32
Глава 3	68
Глава 4	83
Глава 5	111
Глава 6	147
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Николас Спаркс

Взгляни на меня

© Willow Holdings, Inc., 2015

© Перевод. В. С. Сергеева, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Посвящается Джинни Арментраут

Пролог

Он провел в Уилмингтоне всего один день – и понял, что в этом городе он ни за что не остался бы навсегда. Город наводнили туристы. Казалось, что город строили без предварительного плана. Хотя в историческом центре, как он и предполагал, были дома, обшитые деревом, с верандами, колоннами и раскидистыми магнолиями во дворах, очаровательные старые районы постепенно сменялись коммерческой застройкой – торговыми центрами, магазинами, сетевыми ресторанами, автосалонами. По улицам бесконечной вереницей ехали машины. Летом находиться в этом городе было практически невыносимо.

Но на территории Уилмингтонского университета его ожидал приятный сюрприз. Он думал, что кампус застроен безобразными зданиями в духе шестидесятых-семидесятых годов. Действительно, там стояли такие корпуса, особенно по краям, но центральная площадь оказалась настоящим оазисом – сплошь тенистые дорожки, аккуратные газоны, георгианские колонны, как в Хоггарде и Кенан-Холлз, и кирпичные фасады, блестящие в лучах заходящего солнца.

Центральная лужайка ему тоже понравилась. Там стояла башня с часами. Приблизившись, он увидел ее отражение в пруду – неразличимое глазом время на циферблате. Сидя с открытой тетрадью на коленях, он мог наблюдать за про-

исходившим вокруг и оставаться невидимым для студентов, которые бродили по лужайке, погруженные в собственные мысли.

Стояла теплая для конца сентября погода, студенты расхаживали в шортах и футболках. Он задумался: а в каком виде они ходят на занятия? Как и другие, он пришел сюда учиться. За три дня он побывал в кампусе трижды, но вокруг было слишкомлюдно. Слишком много возможных свидетелей. А он не хотел, чтобы его запомнили. Он подумал, не перебраться ли в другое место, но наконец решил, что для этого нет причины. Судя по всему, его присутствие никого не смущало.

Он был близко, очень близко, но пока следовало набраться терпения. Он сделал глубокий вдох и задержал дыхание, прежде чем наконец выдохнул. Несколько человек с сумками на плечах шагали на лекцию, но в это время дня их превосходили числом другие, спешившие навстречу веселым выходным. Повсюду по трое и четверо студенты сидели, болтая и попивая что-то из бутылок – вероятно, спиртное. Двое парней спортивного вида перебрасывались фрисби, а в стороне беседовали их подружки. Еще он заметил молодую пару – парня и девушку. Они оживленно спорили, девушка покраснела. Потом оттолкнула парня. Наблюдатель улыбнулся, отдавая дань уважения ее гневу – и тому, что, в отличие от него, она могла не скрывать свои чувства. Чуть подальше еще одна компания играла в футбол.

Он догадывался, что многие студенты собирались провести нынешний вечер в городе. В студенческих клубах. В барах. Для большинства выходные начинались сегодня, поскольку в пятницу даже не у всех были занятия. Он удивился, когда впервые узнал это; он думал, что, учитывая высокую стоимость университетского образования, студенты предпочтут провести побольше времени в аудиториях, с преподавателями, вместо того чтобы гулять три дня подряд. Но, видимо, такой график устраивал и студентов, и профессоров. В наши дни все хотят как можно меньше утруждаться и прикладывать минимум усилий. Как говорится, ищут легкий путь.

«Да, – подумал он. – Именно так здесь учились. Молодежь убеждалась, что незачем принимать непростые решения или делать правильный выбор, особенно если он повлечет за собой лишнюю нагрузку. Зачем учиться, зачем тратить силы в попытках изменить мир в пятницу вечером, когда можно сидеть и наслаждаться им?»

Он гадал, многие ли здесь вообще задумываются о будущей жизни. Вот Кэсси задумалась, да. Она постоянно думала о будущем. Строила планы. К семнадцати годам она уже все спланировала, но, помнится, говорила об этом как-то неохотно. Ему казалось, что она была недостаточно в себе уверена. Иначе с какой стати ей было принимать именно такие решения?

Он пытался помочь Кэсси. Он сделал все правильно, по

закону, написал заявление в полицию, даже поговорил с заместителем окружного прокурора. До тех пор он верил в законы общества. Он наивно надеялся, что добро восторжествует над злом, что опасность удастся преодолеть, а ситуацию – удержать под контролем. Правила и законы оберегают человека от неприятностей. Кэсси тоже так думала – в конце концов, разве не этому учат детей с малых лет? Вот почему родители говорят: смотри направо и налево, когда переходишь дорогу. Не садись в машину к незнакомым людям. Чисти зубы. Ешь больше овощей. Пристегни ремень безопасности. Список правил, которые защищают нас, можно продолжать без конца.

Но он понял, что правила тоже бывают опасны. Они касаются средних величин, а не чрезвычайных ситуаций. Если люди с детства приучены следовать правилам, они привыкают их выполнять слепо. Подчиняться системе. Гораздо проще не беспокоиться о случайностях. То есть людям даже и не нужно думать о возможных последствиях; солнечным вечером в пятницу они могут запускать фрисби, ни о чем не волнуясь.

Опыт – самый жестокий учитель. Последние два года он мог думать только о полученных уроках. Пережитое чуть не убило его, но постепенно начала появляться ясность. Кэсси знала об опасности. Он предупредил ее, что может случиться. Но она беспокоилась только о том, чтобы следовать правилам, потому что это было удобно.

Посмотрев на часы, он понял, что пора идти. Он закрыл тетрадь, поднялся и огляделся – не заметил ли его кто-нибудь? Нет, не заметил. Он пошел через лужайку, держа под мышкой тетрадь. В кармане лежало написанное им письмо. Возле здания естественно-научного факультета он подошел к почтовому ящику, сунул письмо в щель и подождал; вскоре, минута в минуту, в дверях появилась Серена.

Он уже многое про нее знал. В наше время почти у каждой девушки есть аккаунт на «Фейсбуке», «Твиттере» и «Инстаграме» – они выставляют свою жизнь напоказ, для всех, кому не лень за ней наблюдать. Что им нравится, с кем они дружат, как проводят время... Из поста на «Фейсбуке» он знал, что Серена в воскресенье ездила с сестрой обедать к родителям. Глядя, как она шагала впереди, с распущенными темными волосами ниже плеч, он вновь подумал, какая она красивая. Серена обладала природным изяществом, и парни, мимо которых она проходила, игриво улыбались, хотя девушка, увлеченная разговором, ничего не замечала. Она шла с однокурсницей, низенькой коренастой блондинкой. Они вместе ходили на семинар по педагогике. Он знал, что Серена хотела работать учительницей в начальной школе. У нее были планы. Как у Кэсси.

Он держался на расстоянии, воодушевленный энергией, которую чувствовал в ее присутствии. Энергией, которую он теплил в себе последние два года. Серена и понятия не имела, как близко он подобрался и что мог сделать. Она никогда

не обращивалась — да и зачем? Он был никто, всего лишь лицо в толпе...

Наверное, она делилась с блондинкой планами на выходные, где собиралась побывать и с кем хотела увидеться. Он намеревался присоединиться в воскресенье к семейному обеду, хотя и не в качестве гостя. Он планировал наблюдать за ними из соседнего дома, стоявшего на улочке, где жили в основном небогатые люди. Дом пустовал уже месяц — хозяева не смогли заплатить по закладной, — но его еще не выставили на продажу. Хотя на двери висел прочный замок, он без труда забирался внутрь через боковое окно. Он выяснил, что из спальни видно соседнюю веранду и кухню.

В воскресенье он будет свидетелем того, как смеется и шутит дружная семья, сидя за столом.

Про каждого он что-то знал. Феликс Санчес — классический иммигрант, добившийся успеха. Газетная вырезка, гордо вывешенная напоказ в ресторане, повествовала о том, как он подростком нелегально приехал в Америку, не зная ни слова по-английски, и начал мыть посуду в местной закусочной. Через пятнадцать лет, получив гражданство, он сэкономил достаточно денег, чтобы открыть собственное кафе в торговом центре под названием «Семейная кухня», где готовили блюда по рецептам его жены Кармен. Она готовила, а он делал все остальное — особенно на первых порах. Понемногу предприятие расширилось, и ресторан Санчеса стал одним из лучших в городе. Хотя там работало около двадцати

человек, большинство приходились ему родственниками, — заведение оставалось семейным. В ресторане по-прежнему трудились сами родители, а Серена трижды в неделю подрабатывала официанткой, как некогда ее старшая сестра Мария. Феликс был членом Торговой палаты и «Ротари-клуба», каждое воскресенье, в семь часов, они с женой ходили на мессу в церковь Девы Марии, где он состоял дьяконом.

Кармен представляла собой загадку: он знал только, что она до сих пор лучше говорила по-испански, чем по-английски. Как и муж, она гордилась тем, что Мария первой в семье получила высшее образование.

А что касалось Марии...

Он еще не видел ее в Уилмингтоне: она на несколько дней уехала на юридическую конференцию. Но он прекрасно знал Марию. В прошлом, когда она жила в Шарлотте, он много раз с ней виделся. Говорил. Пытался убедить девушку, что она ошибается. В конце концов она заставила его страдать, как никто другой, и он возненавидел ее за это.

Когда Серена помахала подруге на прощание и зашагала к парковке, он пошел прямо. Незачем было идти за ней, и ему вполне хватало осознания того, что он увидит маленькую, но счастливую семью в воскресенье. Особенно Марию. Мария, пожалуй, превосходила красотой сестру, хотя, честно говоря, в этом повезло обоим. Он попытался представить, как они — темноглазые, идеально сложенные — сидят рядышком за столом. Несмотря на разницу в семь лет, многие со-

чли бы их двойняшками. И все-таки они отличались. Серена любила повеселиться. А Мария всегда была тихой и целеустремленной, серьезной и прилежной. Но тем не менее они дружили. Не только сестры, но и лучшие подруги. Наверное, Серена видела в Марии пример для подражания, и наоборот.

У него мурашки побежали при мысли о выходных. Он не исключал, что этому семейному сборищу предстояло стать одним из последних событий, хоть немного похожих на нормальную жизнь. И он хотел видеть, как они ведут себя, пока внутреннее напряжение еще не начало разъедать счастливую семью изнутри. Пока в ней не поселился страх. Пока их жизни не покатались под откос, сначала медленно, а затем все стремительнее.

В конце концов, он приехал сюда с определенной целью, и у нее было название.

Мечь.

Глава 1

Колин

Колин Хэнкок стоял над раковиной в туалете, задрав рубашку, чтобы получше рассмотреть кровоподтек на ребрах. К завтрашнему утру он наверняка станет темно-фиолетовым. Потрогав синяк, он поморщился. Хотя Колин знал по опыту, что некоторое время боль можно терпеть, он все-таки задумался, каково будет дышать завтра утром.

А вот лицо...

Из-за этого могли начаться проблемы – не у него, а у других. Однотруппники, конечно, завтра испуганно уставятся на него и будут перешептываться за спиной. Правда, Колин сомневался, что хоть кто-то рискнет спросить о произошедшем. С начала семестра прошло несколько недель, и большинство его сокурсников казались довольно приятными людьми, но, очевидно, никто из них не знал, как воспринимать Колина – и никто не пытался с ним заговорить. Не то чтобы его это смущало. Во-первых, почти все они были месяцев на шесть-семь младше. И сплошь девушки. Колин подозревал, что по части жизненного опыта они не нашли бы с ним ничего общего. Со временем, как всегда, они сделают выводы. Честное слово, не стоило и беспокоиться.

И все же Колин признавал, что выглядел теперь исклю-

чительно мерзко. Левый глаз заплыл, а белок правого окрасился кровью. На лбу багровел свежий шов, кровоподтек свинцового цвета на правой скуле напоминал родимое пятно. Картину довершали разбитые, опухшие губы. В чем он по-настоящему нуждался, так это в ледяном компрессе, и поскорее, если он хотел, чтобы однокурсницы на следующий день вообще могли сосредоточиться хоть на чем-то, кроме него. Колин решил, что будет действовать по порядку. Он умирал от голода. В последние два дня он почти не ел, а потому нуждался в быстром и по возможности не самом вредном перекусе. К сожалению, в это время суток большинство кафе уже закрылись, поэтому в конце концов он заехал в убогую придорожную закусочную, с решетками на окнах, пятнами сырости на стенах, ободранным линолеумом и сиденьями, заклеенными скотчем. Но плюс заключался в том, что другим посетителям в этой дыре было плевать, как он выглядел. Люди, которые заходят в такие забегаловки поздно вечером, знают, что не нужно лезть в чужие дела. Насколько Колин мог судить, одна половина клиентов пыталась протрезветь после вечерней пьянки, да и вторая – которой предстояло везти первую – тоже.

Здесь ничего не стоило вляпаться в неприятности. Свернув на усыпанную гравием парковку с Эваном на хвосте, Колин ожидал, что друг поедет дальше. Но, наверное, Эван подумал то же самое насчет возможных неприятностей. Лишь по одной причине он бы заглянул в такое заведение, особен-

но поздно вечером. Эван, в розовой рубашке, носках в яркую клетку, кожаных мокасинах, с аккуратно причесанными на пробор светлыми волосами, совершенно не походил на местную публику. С тем же успехом он мог повесить на свою «Тойоту» неоновый знак, гласивший, что цель хозяина машины – получить трепку от парней, которые большую часть вечера лакали спиртное.

Колин включил воду, смочил руки и провел ими по лицу. Вода была холодная – именно то, что нужно. Кожа горела. Моряк, с которым он дрался, бил гораздо сильнее, чем ожидал Колин – и это не считая запрещенных ударов, – но кто бы догадался с первого взгляда? Рослый, худой, стриженный почти наголо, с нелепыми бровями... Не следовало недооценивать этого парня. Колин сказал себе, что больше так не ошибется. Иначе он до конца года будет пугать своих однокурсниц и испортит девочкам впечатление от колледжа. Он воображал, как они говорят по телефону: «Мам, в моей группе есть один жуткий тип, весь в синяках и татуировках, и я должна рядом с ним сидеть!»

Он стряхнул воду с рук и, выйдя из уборной, нашел Эвана за угловым столиком. В отличие от Колина, он-то в колледже чувствовал себя как рыба в воде. У него по-прежнему было детское личико, и, подойдя ближе, Колин задумался, сколько раз в неделю Эван бреется.

– Ты долго, – сказал Эван, когда он сел рядом. – Я думал, ты заблудился.

Колин прислонился к виниловой спинке.

– Надеюсь, ты не очень боялся, сидя тут один.

– Ха-ха.

– У меня к тебе вопрос.

– Валяй.

– Сколько раз в неделю ты бреешься?

Колин хлопнул глазами.

– Ты торчал в уборной десять минут и думал об этом?

– Нет, когда шел к столику.

Эван уставился на него.

– Я бреюсь каждое утро.

– Зачем?

– В смысле – зачем? А ты нет?

– Нет.

– Почему мы вообще заговорили о бритье?

– Потому что мне стало интересно, я спросил, а ты ответил, – объяснил Колин.

Не обращая внимания на выражение лица Эвана, он указал на меню.

– Ты передумал и решил сделать заказ?

Эван покачал головой.

– Ни за что.

– Ты вообще не будешь есть?

– Нет.

– У тебя гастрит?

– Я подозреваю, что в последний раз санинспекция тут

побывала еще при Рейгане.

– Ну, все не так плохо.

– Ты видел здешнего повара?

Колин посмотрел в сторону стоявшего за стойкой гриля. Повар выглядел на все сто – длинные волосы, руки, покрытые татуировками, сальный фартук, туго обтягивавший огромное брюхо.

– Татухи у него классные.

– Ну надо же.

– Я говорю правду.

– Я в курсе. Ты всегда говоришь правду. В том-то и проблема.

– Почему?

– Потому что люди не всегда хотят ее слышать. Например, если твоя девушка спрашивает, толстая она или нет, нужно ответить, что она прекрасно выглядит.

– У меня нет девушки.

– Наверное, потому, что последней ты сказал, что она толстая, и забыл добавить, как прекрасно она выглядит.

– Все было не так.

– Но ты меня понял. Иногда надо... приукрашивать правду, чтобы ладить с другими.

– Зачем?

– Потому что так делают нормальные люди. Так живет общество. Нельзя говорить все, что придет в голову. Тогда окружающие нервничают или обижаются. Кстати, работода-

телям это тоже не нравится.

– Ну, допустим.

– Ты мне не веришь?

– Верю.

– Но тебе наплевать.

– Да.

– Потому что ты предпочтешь говорить правду.

– Да.

– Почему?

– Мне так проще.

Эван замолчал на минуту.

– Хотел бы и я так жить. Например, сказать моему боссу, что я думаю о нем на самом деле, не боясь последствий.

– Ты можешь высказаться. Но предпочитаешь молчать.

– А кто будет платить за меня по счетам?

– Это отговорка.

– Да, наверное, – пожал плечами Эван. – Но лично мне проще так. Иногда ложь необходима. Например, если бы я сказал, что видел под столом двух тараканов, пока ты был в туалете, ты, наверное, тоже не захотел бы здесь есть.

– Ты же знаешь, что не обязан оставаться, правда? Со мной ничего не случится.

– Это ты так думаешь.

– Позаботься лучше о себе. И потом, уже поздно. Ты разве не едешь завтра в Роли?

– Да, прямо с утра. В одиннадцать мы с родителями идем

в церковь, потом обедаем. Но, в отличие от тебя, мне завтра утром несложно будет встать с постели. Кстати, выглядишь ты ужасно.

– Спасибо.

– Особенно глаз.

– Завтра отек спадет.

– Нет, другой. Кажется, лопнуло несколько сосудов. Ну или ты вампир.

– Я заметил.

Эван откинулся на спинку.

– Окажи мне услугу, хорошо? Завтра не показывайся соседям. Иначе они решат, что пришлось набить тебе морду за просроченную квартплату. Нехорошо, если пострадает моя репутация домовладельца.

Колин улыбнулся. Он был тяжелее Эвана как минимум на тридцать фунтов и частенько шутил, что если Эван когда-нибудь и заходил в спортзал, то исключительно с целью финансовой проверки.

– Обещаю, что не буду попадаться им на глаза.

– Спасибо.

Официантка поставила на стол тарелку с омлетом и миску студнеобразной овсянки. Придвинув к себе кашу, Колин взглянул на Эвана.

– Что ты пьешь?

– Горячую воду с лимоном.

– Ты серьезно?

– Уже за полночь. Если я выпью кофе, то не усну.

Колин сунул в рот ложку каши.

– Ну ладно...

– Неужели ты обойдешься без ехидства?

– Я просто удивляюсь, что у них тут нашелся лимон.

– А я удивляюсь, что тут готовят омлет. Наверное, ты первый в истории этого заведения заказал здоровую еду.

Эван потянулся к кружке.

– Кстати, а что ты собираешься делать завтра?

– Поменять замок зажигания в машине. Она плохо заводится. Потом привести в порядок газон и сходить в тренажерку.

– Хочешь поехать с нами?

– Семейный обед – не по мне.

– Я не про обед. Сомневаюсь, что тебя пустят в загородный клуб в таком виде. Но ты мог бы навестить в Роли своих стариков. Или сестер.

– Нет.

– Мое дело предложить.

Колин набрал еще ложку каши.

– Не надо.

Эван откинулся на спинку.

– А сегодня были отличные бои, кстати говоря. Следующий после твоего – просто блеск.

– Правда?

– Парень по имени Джонни Риз положил своего против-

ника в первом раунде. Свалил его, как быка, взял в захват — и все. Он двигается как кошка.

— И что ты хочешь сказать?

— Он лучше тебя.

— Допустим.

Эван побарабанил пальцами по столу.

— То есть ты доволен тем, как прошел бой?

— Он закончился.

Эван подождал.

— И?

— И всё.

— Ты по-прежнему думаешь, что это хорошая идея?

Колин подцепил на вилку кусок омлета.

— Я ведь до сих пор здесь с тобой, правда?

Через полчаса Колин был уже в дороге. Тучи, которые последние несколько часов грозили разразиться бурей, наконец сдались и извергли поток ливня, перемежаемый молниями и громом. Эван уехал несколькими минутами раньше, и Колин, сидя за рулем «Шевроле Камаро», который он неустанно чинил последние несколько лет, задумался о своем друге.

Он знал Эвана, сколько себя помнил. Когда Колин был маленьким, его семья проводила лето в домике на пляже, в Райтсвилл-Бич. Эван жил по соседству. Они проводили долгие жаркие дни, бродя по пляжу, играя в мяч, рыбака и ка-

таясь на доске. Чаще всего они и ночевать оставались друг у друга. Потом родители Эвана переехали в Чейпел-Хилл, а жизнь Колина пошла под откос.

Все было довольно просто – третий ребенок и единственный сын богатых родителей, которые предпочитали держать няню и не испытывали желания заводить еще детей. В младенчестве его мучили колики, а затем Колин превратился в непоседливого мальчишку с классическим диагнозом «гиперактивность» – из тех, кто регулярно закатывает истерики, не может ни на чем сосредоточиться и не в состоянии посидеть спокойно. Дома он сводил родителей с ума, выживал одну нянюку за другой и без конца дрался в школе. В третьем классе Колину досталась прекрасная учительница, которая ненадолго улучшила ситуацию, но в четвертом он вновь покатился по наклонной. Он постоянно затевал драки на детской площадке и чуть не остался на второй год. Примерно в это время на него стали смотреть как на «проблемного». Не зная, что делать, родители отправили сына в военное училище, посчитав, что дисциплина пойдет мальчику на пользу. Первый год прошел ужасно, и весной Колина выгнали.

После этого его снова отправили в военную школу, в другом штате, и следующие несколько лет он выплескивал энергию в спортивных единоборствах – борьбе, боксе и дзюдо. Свою агрессию он переносил на других, иногда с чрезмерным энтузиазмом, чаще всего просто потому, что сам того хотел. Отметки и дисциплина Колина не волновали. Пере-

жив пять исключений из пяти разных военных школ, он кое-как дотянул до выпуска – злобный и жестокий юноша, без всяких планов на будущее и какого-либо желания их строить. Колин вернулся к родителям, и последовали семь тяжелых лет. Он смотрел, как мать плакала, и слушал, как отец умолял его измениться, но не обращал на родителей внимания. По их настоянию Колин побывал у психолога, но продолжал катиться по наклонной, подсознательно идя к саморазрушению. Так говорил психолог, и Колин теперь признавал его правоту. Когда родители выгоняли сына из дома в Роли, он устраивался в домике на пляже и тянул время, а потом возвращался, и круг замыкался. Когда Колину стукнуло двадцать пять, он получил последний шанс изменить свою жизнь – и неожиданно сделал это. Теперь он учился в колледже и собирался провести несколько десятков лет в школьном классе в качестве учителя. Большинство просто не понимали, что на него нашло.

Колин знал, что есть какая-то ирония судьбы в желании работать в школе, которую он всегда ненавидел. Но что поделаешь. Он не заикливался на шутках судьбы – и уж точно не думал о прошлом. Он бы вообще не стал об этом думать, если бы не предложение Эвана навестить завтра родителей. Эван не понимал, что и Колину, и его старикам неприятно было даже находиться в одной комнате, особенно если о визите не договорились заранее. Он знал, что, если появится неожиданно, они будут сконфуженно сидеть в гостиной и го-

ворить о пустяках, а воспоминания о прошлом повиснут в воздухе, как ядовитый газ. Он будет чувствовать исходящее от родителей недовольство, осязаемое в том, что они говорят и о чем умалчивают. Кому это надо? Уж точно не ему. И не им. В последние три года Колин приезжал с семейными визитами редко, почти всегда летом, и не задерживался дольше часа. Против такого распорядка никто не возражал.

Старшие сестры, Ребекка и Андреа, уговаривали Колина помириться с родителями, но он пресекал эти разговоры точно так же, как оборвал Эвана. В конце концов, отношения сестер с родителями развивались совершенно иначе. Они обе были желанными, а он оказался неприятной неожиданностью семь лет спустя. Колин знал, что сестры желали ему добра, но что между ними было общего? Ребекка и Андреа окончили колледж, вышли замуж, завели детей. Они жили в том же престижном районе, что и родители, и по выходным играли в теннис. Чем старше становился Колин, тем сильнее сознавал, что в жизни сестры устроились гораздо разумнее, чем он. Но опять-таки, они-то не были «проблемными».

Он знал, что родители, как и сестры, по сути, неплохие люди. После многолетних хождений к психологу Колин признал наконец, что проблемы у него, а не у них. Он больше не винил отца и мать за то, что с ним происходило, и за то, что они сделали – или не сделали. В любом случае он теперь считал, что ему повезло и что родители проявляли необыкновенное терпение. Ну и что, если им занимались няньки.

Ну и что, если его отправили в военную школу. В самые тяжелые времена, когда другие родители уже сдались бы, отец с матерью не утрачивали надежды, что Колин еще может изменить свою жизнь.

Они много лет терпели его выходки. Не обращали внимания на то, что он пил, курил травку, громко включал музыку в любое время суток. Мирились с вечеринками, которые сын закатывал, стоило им уехать из города, и после которых дом превращался в помойку. Смотрели сквозь пальцы на потасовки в барах и многочисленные аресты. Не обращались к властям, когда Колин ломал замок на двери пляжного домика и устраивал там хаос. Они выкупали сына под залог столько раз, что Колин сбился со счета, и оплачивали услуги адвоката. Три года назад, когда Колина грозило долгое тюремное заключение за пьяную драку в Уилмингтоне, отец воспользовался какими-то связями и условился, что Колина полностью очистят полицейское досье. Если, разумеется, он выдержит испытательный срок. В том числе Колина обязали пробыть четыре месяца в психиатрической клинике в Аризоне. Когда он вернулся и узнал, что родители не намерены его впускать, он снова взломал пляжный домик, который к тому моменту выставили на продажу.

А еще Колина велили регулярно встречаться с детективом Питом Марголисом из Уилмингтонского полицейского департамента. Человек, которого Колин избил в баре, был долговременным тайным информантом Марголиса, и в резуль-

тате драки запутанное дело, которое тот расследовал, пошло прахом. Поэтому детектив страстно ненавидел Колина. Он горячо возражал против его освобождения – а потом настоял, что будет постоянно наблюдать за Колином и иногда наносить визит без предупреждения, как делают инспекторы, надзирающие за условно осужденными. Договор гласил: если Колина арестуют вновь, не важно за что, досье будет восстановлено в полном объеме, и он автоматом угодит в тюрьму почти на десять лет.

Несмотря на жесткие рамки и необходимость иметь дело с Марголисом, которому не терпелось надеть на Колина наручники, все-таки это было здорово. Невероятный договор, возможный благодаря отцу. Пусть даже тот почти не разговаривал с сыном. Колину теоретически воспрещалось показываться дома, хотя в последнее время отец немного смягчился. Будучи изгнанным из родного крова после возвращения из Аризоны и узнав, что новые хозяева вступили во владение домиком на пляже, Колин решил пересмотреть свою жизнь. Он ночевал у друзей в Роли, перебираясь с кушетки на кушетку, и понемногу пришел к выводу, что погубит себя окончательно, если ничего не изменит. Нынешнее окружение ему не подходило, и приятели у него были такие же буйные, как он сам. Поскольку Колину больше некуда было ехать, он вернулся в Уилмингтон и внезапно явился к Эвану. Эван жил там после окончания колледжа. Он очень удивился, увидев старого друга. Конечно, Эван держался настороже

и немного нервничал, но он помнил былую дружбу и охотно пустил Колина пожить.

Понадобилось некоторое время, чтобы вновь завоевать доверие Эвана. Их жизни давно разошлись. Эван во многом походил на Ребекку и Андреа – законопослушный гражданин, который тюрьму видел только по телевизору. Он работал бухгалтером и специалистом по финансовому планированию; будучи, как и положено в его профессии, человеком расчетливым, Эван приобрел дом, состоявший из двух смежных квартир, чтобы сэкономить на платежах по закладной. Вторая квартира как раз пустовала, когда появился Колин. Тот не собирался оставаться надолго, но всё как-то завертелось, а когда он нашел работу в баре, то перебрался к Эвану насовсем. Спустя три года он по-прежнему снимал жилье у лучшего друга.

До сих пор все шло хорошо. Колин приводил в порядок газон, подстригал кусты и платил вполне разумную аренду. У него было собственное жилье с отдельным входом, но совсем рядом с Эваном. Именно в таком друге и нуждался Колин. Эван ходил на работу в костюме и при галстуке, никогда не выпивал больше двух пинт пива и содержал в безупречной чистоте свою обставленную со вкусом квартиру. А еще Эван был самым приятным человеком на свете – и он принимал Колина таким, какой он есть. Бог весть отчего, но он верил в него, пусть даже Колин знал, что этого не заслуживал.

Лили, невеста Эвана, была из того же теста. Хотя она ра-

ботала в рекламном агентстве и владела собственным домиком на пляже, который подарили ей родители, Лили проводила столько времени у Эвана, что успела стать важной частью жизни Колина. Оттаяла она далеко не сразу – когда они впервые встретились, Колин щеголял ирокезом на голове и пирсингом в обоих ушах, а разговор вертелся вокруг драки в Роли, в итоге которой противник Колина угодил в больницу. Поначалу она просто не понимала, как Эван мог общаться с этим человеком. Лили – уроженка Чарльстона, выпускница колледжа в Мередите – всегда держалась вежливо и строго, а в ее речи встречались устаревшие обороты. Но при этом она была одной из самых красивых девушек, каких Колин когда-либо видел. Он даже не удивлялся тому, что из Эвана она просто веревки вила. Светловолосая, голубоглазая, с певучим акцентом, который звучал нежно, даже когда Лили сердилась, она на первый взгляд была человеком, совершенно не склонным дать Колину второй шанс. И все-таки она рискнула. Как и Эван, Лили в конце концов поверила в него. Именно Лили два года назад настояла, чтобы он стал ходить на лекции в колледж. Именно Лили занималась с ним по вечерам. Дважды именно Лили и Эван удержали Колина от импульсивного поступка, грозившего ему тюрьмой. Колин преклонялся перед Лили и восхищался их союзом. Он уже давно решил, что, если кто-нибудь когда-нибудь навредит этим двоим, он лично с ним разберется, не важно какой ценой, даже если остаток жизни придется провести за решеткой.

Но все хорошее когда-нибудь кончается. Кажется, так гласит поговорка. Жизнь, которую он вел три года, должна была измениться – потому что Эван и Лили обручились и весной собирались пожениться. Хотя оба твердили, что Колин может и дальше жить у них, он знал, что в минувшие выходные они смотрели новостройки в районе Райтсвил-Бич – особнячки с двумя верандами, как в Чарльстоне. Эван и Лили хотели детей, они мечтали о доме с белым заборчиком, и Колин не сомневался, что в течение года Эван выставит свой старый дом на продажу и он вновь окажется в свободном плавании. Хотя Колин знал, что нечестно требовать от Эвана и Лили, чтобы они с ним нянчились, иногда он задумывался, понимали ли они сами, как важны стали для него в последние годы.

Например, сегодня. Он не просил Эвана приезжать, тот сделал это сам. И сидеть в закуской тоже не просил. Но, видимо, Эван подумал, что если оставить его без присмотра, то Колин наверняка угодит в тюрьму и вместо полуночного омлета получит дозу успокоительного. Хотя Колин и работал барменом, ему не особенно помогало то, что он теперь стоял по другую сторону стойки.

Наконец свернув с шоссе, Колин поехал по извилистой проселочной дороге, среди сосен и дубов. Он не столько пытался срезать, сколько избежать бесконечной вереницы светофоров. Молнии продолжали сверкать, окрашивая тучи в серебристый цвет и озаряя окрестности магическим блес-

ком. Дождь и ветер усиливались, «дворники» едва справлялись с работой, но Колин хорошо знал дорогу. Он преодолел очередной слепой поворот... и инстинктивно ударил по тормозам.

Впереди, наполовину съехав с дороги и накренившись, стояла машина с включенной аварийкой. Багажник был открыт, в него заливал дождь. Колин притормозил – и почувствовал, что задние колеса слегка занесло, прежде чем они вновь обрели сцепление с дорогой. Он зарулил на обочину и подумал: трудно даже представить менее подходящее время для поломки. Во-первых, гроза и ничего не видно, а во-вторых, пьяницы вроде тех, что сидели в закусочной, именно теперь разъезжались по домам. Колин с легкостью представлял, как один из них слишком быстро вылетит из-за поворота и врежется ему в задний бампер.

«Плохо», – подумал он. Несомненно, не справился с управлением на повороте, но в то же время – какое ему дело? Не его забота спасать посторонних, и сейчас уж точно он мало чем мог помочь. Колин умел чинить собственную машину, но только потому, что автомобиль был старше, чем он сам. Современные моторы больше напоминали компьютеры. И потом, водитель наверняка уже обратился за помощью.

Проезжая мимо, Колин заметил, что заднее колесо спустилось, а женщина – в джинсах и рубашке с короткими рукавами, промокшая до нитки – пыталась вытащить из багажника запаску. Сверкнула молния – несколько раз, как

вспышка камеры, – и Колин разглядел лицо в потеках макияжа. Эта девушка, с темными волосами и широко посаженными глазами, напомнила ему одну знакомую студентку. И Колин оттаял.

Девушка? Почему именно она попала здесь в беду? Если Колина не подвели глаза, они действительно учились вместе, и он не мог притвориться, будто не заметил, что она нуждалась в помощи. Уж точно он сейчас обошелся бы без такого приключения, но что оставалось делать?

Тяжело вздохнув, Колин притормозил у обочины, чуть поодаль. Он включил аварийку и взял с заднего сиденья куртку. Дождь лил стеной, и струи промочили его до нитки, как только он вылез. Проведя рукой по волосам, Колин вздохнул и двинулся к пострадавшей машине, прикидывая, сколько времени понадобится на замену колеса.

– Нужна помощь? – крикнул он.

К его удивлению, девушка ничего не сказала. Уставившись на Колина, она выпустила колесо из рук и медленно попятилась.

Глава 2

Мария

Работая в прокуратуре округа Мекленбург, Мария Санчес повидала в зале суда самых разных преступников. Некоторые из них совершили такие жуткие преступления, что она потом не спала ночами. Марии снились кошмары, одно время ей угрожал вполне реальный псих, но никогда она так не пугалась, как теперь, на безлюдной дороге, когда у обочины внезапно остановилась машина, за рулем которой сидел этот тип.

Не важно, что ей было двадцать восемь, что она с отличием окончила университет Северной Каролины, что изучала юриспруденцию в Дьюке. Не важно, что ее называли восходящей звездой прокуратуры, прежде чем она получила работу в одной из лучших юридических фирм Уилмингтона. И что до сих пор она всегда умела справляться с эмоциями. Как только незнакомец вылез из машины, все эти непреложные истины вылетели в трубу. Мария думала только о том, что она – молодая женщина, потерявшаяся в глуши. Когда мужчина зашагал к ней, девушку охватила паника. «Я умру здесь, и никто не найдет мой труп».

Минутой раньше, когда он медленно проехал мимо, она заметила, что он смотрел на нее – почти пялился, оценивал.

Марии сначала показалось, что он в маске, и это само по себе пугало, но гораздо сильнее она испугалась в ту секунду, когда поняла, что это его настоящее лицо. Щеки и лоб покрывали синяки, один глаз опух и превратился в щелочку, другой был залит кровью. Кровь текла и со лба. Мария едва удержалась, чтобы не закричать. Но почему-то она не могла произнести ни звука. «Ради бога, – подумала девушка, как только машина разминулась с ней, – пожалуйста, поезжай дальше. Что угодно, только не останавливайся».

Но Бог, видимо, не слышал ее. Да и с какой стати Ему вмешиваться, чтобы спасти девушку от смерти в канаве, на проселочной дороге? Наоборот, Он сделал так, чтобы этот тип остановился. И теперь мужчина с изуродованным лицом шагал к ней, как персонаж дешевого фильма ужасов. Или преступник. Наверное, он только что сбежал из тюрьмы, потому и был изранен. И потом, по слухам, бандиты только и делают, что качают мышцы. Стрижка у него была суровая, в военном стиле – отличительный признак одной из тюремных банд. Потрепанная черная футболка, рваные джинсы... и почему он несет куртку в руках? Почему бы не надеть ее, выйдя из машины под дождь? Может быть, под курткой спрятан...
...нож.

Или пистолет. Господи.

У Марии вырвался вскрик. Девушка лихорадочно пыталась понять, что делать. Швырнуть в него запаской? Но она даже не могла вытащить колесо из багажника. Позвать на по-

мощь? Но поблизости никого не было, и за десять минут мимо не проехала ни одна машина. Свой мобильник она оставила неизвестно где, иначе ей и не пришлось бы самой менять покрышку. Бежать? Допустим. Но непринужденность, с которой он двигался, наводила на мысль, что он быстро ее догонит. Единственное, что оставалось – нырнуть в машину и запереться. Но он подошел уже совсем близко, и она никак не могла проскользнуть мимо...

– Нужна помощь?

Звук голоса вывел Марию из ступора. Она выпустила покрышку и попятилась, думая только о том, как бы сохранить дистанцию. Молния сверкнула вновь, и она заметила пустоту во взгляде незнакомца. Как будто в его характере отсутствовало нечто значимое – то, что останавливает перед насилием и убийством женщин.

– Что вам от меня нужно? – наконец выговорила девушка.

– Ничего, – ответил он.

– Тогда зачем вы вышли?

– Я подумал, что вам нужна помощь с колесом.

– Все в порядке, я сама справлюсь, – сказала Мария.

Он перевел взгляд на спущенное колесо, потом опять посмотрел на девушку.

– Ну ладно. Удачи.

Развернувшись, мужчина зашагал к своей машине и словно стал меньше ростом. Его реакция была настолько неожиданной, что Мария словно окаменела. Он ушел? Но почему?!

Она радовалась этому – точнее сказать, чуть не прыгала от восторга, – но все же...

– Я не могу вытащить колесо из багажника! – крикнула она и услышала в собственном голосе страх.

Дойдя до машины, он обернулся.

– Да, похоже на то.

И открыл дверцу, собираясь сесть и уехать.

– Подождите! – вдруг закричала Мария.

Он, прищурившись, взглянул на нее и поинтересовался:

– Что такое?

«Что такое?» Марии показалось, что она ослышалась. Но, с другой стороны, она же сама сказала, что не нуждается в помощи. И не нуждалась... нет, нуждалась, но нельзя же останавливать кого попало. Мысли бешено проносились в голове и путались, и Мария вдруг самопроизвольно спросила:

– У вас есть мобильник?

Он подошел чуть ближе и остановился так, чтобы не приходилось перекрикивать шум ливня, но не слишком близко. Слава богу.

– Да, – ответил он.

Мария переступила с ноги на ногу и задумалась. «Что дальше?»

– Я потеряла телефон, – сказала она. – Ну, не совсем потеряла...

Она знала, что несет чушь, но он смотрел так, что девушка

уже не могла остановиться.

– Я оставила мобильник на работе или дома у родителей. Точно не знаю. И не узнаю, пока не доберусь до компьютера.

– О'кей, – произнес мужчина и замолчал. Он стоял неподвижно, не сводя с нее глаз.

– У меня есть специальное приложение, через которое телефон связан с компьютером...

– О'кей.

– Ну?

– Что?

– Не одолжите телефон? Я позвоню сестре.

– Конечно, – ответил он, сунул мобильник в свернутую куртку и шагнул к ней.

Мария инстинктивно попятилась. Тогда он положил куртку на капот машины и жестом предложил взять.

Она помедлила. Этот тип, конечно, был странный, но девушка оценила то, что он отступил. Мария быстро подошла к багажнику и нашла под курткой айфон, такой же модели, как у нее. Она нажала кнопку, экран подсветился... связь была, но что толку? Если только...

– Пять-шесть-восемь-один, – сказал он.

– Вы назвали пароль?

– Иначе вы не сможете позвонить.

– А вам не страшно называть свой пароль незнакомцу?

– Вы украдете мой телефон?

Мария хлопнула глазами.

– Нет. Конечно, нет.

– Ну, тогда мне нечего волноваться.

Она не нашлась с ответом. Но какая разница?

Мария дрожащими пальцами набрала номер и позвонила сестре. После третьего гудка отозвался автоответчик. Мария изо всех сил старалась сдерживать раздражение, пока оставляла сообщение, объясняя, что случилось, и прося сестру приехать за ней. Потом она сунула мобильник обратно в лежавшую на капоте куртку и отступила.

– Не отвечает? – спросил он.

– Она скоро приедет.

– Ну ладно.

Когда сверкнула очередная молния, он указал на машину.

– Пока вы ее ждете, хотите, я поменяю вам колесо?

Она открыла рот, чтобы вновь отказаться... но кто знает, когда Серена получит сообщение? И потом, Мария никогда в жизни не меняла колесо. Вместо ответа она выдохнула – и произнесла, стараясь, чтобы голос не дрожал:

– Можно задать вопрос?

– Да.

– Что у вас с лицом?

– Я подрался.

Она подождала немного и поняла, что продолжения не будет. «И все? Никаких объяснений?» Он держался очень странно, и Мария не знала, как это понимать. Мужчина стоял на одном месте, явно ожидая ответа, и девушка посмотр-

рела в сторону багажника, страшно жалея, что она не умеет менять колесо. Наконец Мария сказала:

– Да. Если вам не сложно, помогите, пожалуйста.

– Ладно, – ответил он, потянулся к лежавшей на капоте куртке, сунул мобильник в карман и оделся. – Вы меня боитесь.

– Что?

– Вы боитесь, что я с вами что-нибудь сделаю.

Мария промолчала, и он продолжил:

– Я не причиню вам вреда.

– Зачем вы мне это говорите?

– Если я буду менять колесо, мне придется подойти к багажнику. А вы там стоите.

– Я вас не боюсь, – солгала Мария.

– О'кей.

– Правда.

– О'кей, – повторил он и шагнул к ней.

У девушки сжалось сердце, когда он прошел на расстоянии вытянутой руки, и тут же она почувствовала себя душой: он даже не замедлил шаг. Мужчина что-то отвинтил, вытащил запасное колесо, положил его на землю и снова полез в багажник, видимо за домкратом.

– Одному из нас придется вывести машину на дорогу, – сказал он. – Нужно поставить ее ровно, прежде чем я подведу домкрат, иначе она соскользнет.

– Но колесо же спущено.

Он оглянулся, с домкратом в руках.

– Ничего страшного. Просто езжайте медленно.

– Но я перекрою дорогу.

– Вы и так ее уже перекрыли наполовину.

Он был прав, но...

Но что, если все это входило в его план? Отвлечь жертву, сделать так, чтобы она повернулась спиной...

«Да, но он дал мне свой мобильник! И вытащил колесо из багажника!»

Ошеломленная и сконфуженная, она села в машину, завела мотор, медленно, но уверенно выбралась на дорогу и выжала ручной тормоз. Когда Мария открыла дверцу, незнакомец уже катил к автомобилю запаску, держа в руке гаечный ключ.

– Сидите в машине, если хотите, – сказал он. – Я недолго.

Мария подумала и все-таки закрыла дверь. Несколько минут она провела, наблюдая в зеркало заднего вида, как он ослаблял гайки и подводил домкрат. Затем машина слегка приподнялась, качнулась и замерла. Мужчина снял гайки и стащил покрышку. В это самое время буря усилилась. Незнакомец быстро поставил новую покрышку, затянул крепления и вскоре опустил машину. Он забросил спущенную покрышку в багажник вместе с домкратом и гаечным ключом, и Мария почувствовала, как он осторожно захлопнул крышку. Всё закончилось. Но все же она немного испугалась, когда он постучал в стекло. Мария открыла окно, и в салон на-

чал хлестать дождь. Лицо мужчины находилось в тени, так что синяки, отек и налитый кровью глаз почти не были видны. Почти.

– Можете ехать! – крикнул он сквозь шум грозы. – Но лучше поскорее заклейте крышку или купите новую. Запаски надолго не хватит.

Девушка кивнула, но, прежде чем она успела поблагодарить его, он развернулся, зашагал к своей машине, открыл дверь и сел за руль. Мария услышала рев мотора – и опять оказалась в одиночестве, хотя и на четырех колесах, способных доехать ее до дома.

– Я слышала звонок, но номер был незнакомый, поэтому я не ответила, – сказала Серена, потягивая апельсиновый сок.

Мария сидела рядом с сестрой за столом на веранде, держа в руках чашку кофе. Утреннее солнце уже прогрело воздух.

– Извини, что так вышло.

– В следующий раз, пожалуйста, возьми трубку, хорошо?

– Не могу, – ответила Серена и улыбнулась. – А если это какой-нибудь чокнутый маньяк?

– В том-то и дело! Я оказалась лицом к лицу с маньяком, и ты должна была меня спасти!

– Что-то непохоже. Твой незнакомец оказался приличным человеком.

Мария яростно взглянула на сестру поверх кружки.

– Ты его не видела. Так что поверь на слово. Я повидала разных типов, но этот всех переплюнул.

– Он же объяснил, что подрался.

– Вот именно. То есть он склонен к жестокости.

– Но тебе-то он ничего не сделал! Ты сказала, что он сначала даже к тебе не приблизился. А потом одолжил свой мобильник. И наконец поменял колесо, сел в машину и уехал.

– Ты не понимаешь главного.

– Главное тут – нельзя судить по одежке.

– Я серьезно!

Серена рассмеялась:

– Ух, какая ты обидчивая. Ты же знаешь, что я тебя просто дразню. Я бы на твоём месте, наверное, описалась от страха. Сломанная машина, безлюдная дорога, нет телефона, незнакомец с окровавленным лицом... просто кошмар.

– Вот именно.

– Так ты нашла свой мобильник?

– Он в офисе. Скорее всего, прямо на столе.

– То есть он там лежит с пятницы? И ты до вечера субботы не замечала, что его нет?

– Ну и что?

– То есть тебе почти никто не звонит?

– Ха-ха.

Серена покачала головой и полезла за мобильником.

– Лично я без телефона жить не могу.

Она быстро сфотографировала Марию.

– Зачем?..

– Для «Инстаграма».

– Ты серьезно?

Серена уже что-то печатала.

– Не волнуйся, будет забавно, – ответила она и показала сестре снимок с подписью. – «Мария, пережившая Кошмар на Темной Дороге».

– Ты не выложишь это в Интернет!

– Уже выложила, – сказала Серена и подмигнула.

– Перестань писать в Сети обо мне! Я серьезно. А если увидит кто-нибудь из моих клиентов?

Сестра пожала плечами:

– Ну, скажи, что это я виновата. Кстати, где папа?

– Гуляет с Копо.

Копо звали белоснежного ши-тцу. Когда Серена перебралась в общежитие, они с Марией, приехав к родителям на Рождество, обнаружили, что те завели собаку. Теперь Копо ездила с ними практически везде – в ресторан, где ей поставили постельку в хозяйском кабинете, в магазин, даже в банк. Копо баловали гораздо больше дочерей!

– Я чего-то не понимаю. Они обожают эту собачонку, – буркнула Серена.

– Ты так думаешь?

– Ты видела ошейник из кожи носорога, который купила ей мама?! Я чуть в обморок не упала.

– Подумаешь!

– Да, конечно! – воскликнула Серена. – Я в жизни не думала, что они способны завести собаку! У нас, например, в детстве не было собаки, а я так просила! Я даже обещала о ней заботиться.

– Они знали, что ты этого делать не будешь.

– Может быть, я, в отличие от тебя, не такая умная, чтобы перескочить через класс и поступить в колледж в семнадцать лет, но с собакой я бы справилась! И, кстати, в следующем году я буду претендовать на стипендию фонда Чарлза Александера.

– М-м... ну ладно, – отозвалась Мария, с сомнением поднимая бровь.

– Я серьезно. Ее дают тем, кто занимается проблемами билингвального образования. Я заполнила анкету, написала эссе, получила рекомендации от двух профессоров. Стипендию дает частный фонд, и в субботу у меня собеседование с председателем. Вот так-то! – заключила она, складывая руки на груди.

– Ух ты, вот это здорово.

– Не говори папе, я хочу сделать сюрприз.

– Он будет в диком восторге, если ты выиграешь.

– Знаю, знаю. Представь себе, сколько еще ошейников они смогут купить Копо, если им не придется платить за колледж.

Мария рассмеялась. Девушки слышали, как мать напевает на кухне. Из открытого окна доносился запах яичницы по-

мексикански.

– И вообще, – продолжала Серена, – не уходи от темы. Почему ты вчера так поздно оказалась непонятно где? В это время ты обычно уже ложишься спать.

Мария нахмурилась, а потом подумала, что, может, и стоит сказать правду.

– Вообще-то я возвращалась со свидания.

– Да ладно.

– А что тут такого?

– Ничего. Просто я думала, что ты приняла обет безбрачия.

– С какой стати?

– Я не забыла, кто передо мной.

– Я не сижу дома!

– Да, ты катаешься на доске, но никогда не тусуешься допоздна. Ты работаешь. Читаешь. Смотришь ерунду по телику. Ты даже перестала танцевать, а раньше тебе это нравилось. Я, кстати, пыталась позвать тебя в клуб на сальсу в субботу, помнишь?

– Кажется, потом ты жаловалась, что там было полно придурков.

– Да, но я все равно повеселилась. Хотя, в отличие от тебя, ужасно танцую.

– Ты учишься в колледже, где занятия начинают в полдень, а пятница свободна. А некоторые, между прочим, работают.

– Да-да, я в курсе, – отвечала Серена, отмахнувшись. – Я так понимаю, тебе вчера не повезло?

Мария оглянулась в сторону приоткрытого окна, чтобы убедиться, что мать не слышит.

Серена закатила глаза.

– Ты же взрослый человек. Ты не обязана скрывать свою личную жизнь от родителей.

– Ну, мы с тобой всегда по-разному к этому относились.

– Что? Ты думаешь, я им все рассказываю?

– Надеюсь, что нет.

Серена подавила смешок.

– Жаль, что у тебя было неудачное свидание.

– Откуда ты знаешь? Может быть, удачное.

– Сомневаюсь, – сказала Серена, качая головой. – Иначе ты не ехала бы домой одна.

Серена всегда отличалась сообразительностью, а главное, здравым смыслом, которого порой недоставало старшей сестре.

– Э-эй, – позвала Серена. – Ты меня слышишь? Как прошло свидание?

– Сомневаюсь, что он перезвонит.

Серена изобразила на лице сочувствие, хотя цинизм на нем читался гораздо ярче.

– А что? Ты взяла с собой компьютер и уткнулась в работу?

– Нет. Причина не во мне. Просто... не получилось.

– Ну, давай поговорим, сестренка. Расскажи, в чем дело.

Мария окинула взглядом задний двор и подумала, что Серена – единственная, с кем можно всерьез поговорить.

– Да, в общем, нечего рассказывать. Я даже не собиралась на свидание...

– Быть того не может! Ты?

– Ты слушаешь или нет?

– Извини, – сказала Серена и ухмыльнулась: – Давай дальше.

– Помнишь, Джилл? Мою знакомую по работе.

– Такую остроумную даму лет под сорок, страшно забавную, которой не терпится выйти замуж? Ту, которая пришла к нам на обед и принялась тискать Копо, так что отца чуть удар не хватил?

– Да.

– Нет, не помню.

– Не важно, – продолжила Мария. – Мы несколько дней назад пошли обедать, и она пригласила меня поужинать с ней и с ее парнем, Полом, как только я вернусь с конференции. Но оказалось, что они, не сказав мне, пригласили одного из друзей Пола...

– Так, погоди. Он хотя бы красивый?

– Да, очень. Но проблема в том, что он хорошо это знает. Он грубый и наглый. Он весь вечер флиртовал с официанткой. Кажется, даже взял у нее телефон. Хотя я сидела рядом с ним.

– Класс.

– Джилл тоже расстроилась, но, самое странное, Пол как будто ничего не заметил. Может быть, он слишком много выпил – но он всю дорогу твердил, что нам вчетвером нужно поехать в клуб, мы прекрасно ладили и просто созданы друг для друга. Очень странно, потому что обычно он себя так не ведет. Он, как правило, помалкивает, а мы с Джилл болтаем.

– Возможно, ему нравится его приятель. Или он подумал, что у вас родятся красивые дети и одного из них вы назовете Полом.

Мария невольно рассмеялась.

– Может быть. В любом случае сомневаюсь, что я в его вкусе. Я уверена, что ему гораздо лучше будет с кем-нибудь другим...

Мария замолчала, и Серена подхватила:

– С кем-нибудь поглупее?

– Нет, посветлее. Вроде той официантки.

– Знаешь, у тебя всегда были проблемы с парнями. Ты слишком умная. А парни боятся умных девушек.

– Необязательно. Мы с Луисом встречались почти два года.

– Встречались, да, вот ключевое слово, – подчеркнула Серена. – И знаешь что? Луис, конечно, сексуальный и все такое, но он полный неудачник.

– Ну, не настолько.

– Только не начинай перечислять все хорошее, что с ним связано. Общее будущее вам не светило, и ты это знаешь.

Мария кивнула. Серена была права, но все-таки она на мгновение поддалась ностальгии, а потом опомнилась.

– Что ж, век живи – век учись.

– Я просто счастлива, что ты опять стала ходить на свидания.

– Нет, не стала. Джилл и Пол решили за меня.

– Не важно. Тебе надо...

Серена задумалась, подбирая слова, и Мария подсказала:

– Быть такой, как ты?

– А почему нет? Ходить на свидания, наслаждаться жизнью, заводить друзей. Скучно все время работать!

– Откуда ты знаешь? У тебя только две смены в неделю.

– Правда. Но я делаю вывод, исходя из того, что ты вечно торчишь в четырех стенах.

– Веришь или нет, мне нравится работать.

– Несомненно, это и напишут на твоей могиле. Кстати, как дела на работе?

Мария заерзала, обдумывая, что именно ответить.

– Нормально.

– Ты только что уверяла, что тебе нравится.

– Да, но...

– Сейчас угадаю. Конференция? Та, на которую ты ездила со своим шефом?

Мария кивнула, и сестра продолжила:

– Все было так ужасно, как ты и предполагала?

– Не настолько, но...

– Он приставал к тебе?

– Ну, типа того, – признала Мария. – Но, честное слово, ничего такого, с чем я не сумела бы справиться.

– Если не ошибаюсь, он женат и у него трое детей?

– Да.

– Скажи, чтобы отвалил. Пригрози, что подашь в суд за домогательства.

– Все несколько сложнее. И сейчас лучше просто не обращать внимания.

На губах Серены показалась улыбка, и Мария спросила:

– Что?

– Я подумала, что у тебя очень интересные взаимоотношения с мужчинами. Прежний бойфренд тебе изменил. Парень, с которым ты ходила на свидание, флиртовал с другими. Босс к тебе пристаёт...

– Добро пожаловать в мой мир.

– Но, разумеется, все не так плохо. Вчера вечером ты наконец встретила приличного мужчину. Из тех, кто помогает женщинам в беде, несмотря на ужасную грозу.

Мария нахмурилась, а младшая сестра засмеялась:

– Жаль, что я этого не видела.

– Да брось ты.

– Но ты здесь, целая и невредимая, – напомнила Серена. – И я счастлива. Хотя бы потому, что могу и дальше делиться

с тобой мудрыми советами.

– У тебя явно проблемы с самооценкой, – кисло произнесла Мария.

– Допустим, но, честное слово, я рада, что ты вернулась. Иначе семейные завтраки довели бы меня до ручки. Пока ты здесь, маме и папе есть о ком еще побеспокоиться.

– Рада, что могу быть тебе полезна.

– И я это ценю. И потом, у нас есть шанс узнать друг друга лучше.

– Мы и так друг друга знаем.

– Ты уехала в колледж, когда мне было десять.

– Но я приезжала домой на выходные и проводила здесь каникулы.

– Да. И вечно хныкала. Первые два года ты так тосковала, что плакала все выходные.

– Трудно жить далеко от дома.

– Почему, как ты думаешь, я поступила в местный колледж? В чем-то я не глупее тебя.

– Ты очень умная. И вполне можешь получить стипендию.

– Ну, не такая умная, как ты. Но я не возражаю. В конце концов, так намного проще найти парня – правда, меня не особо интересуют серьезные отношения. Послушай, если хочешь, я подыщу кого-нибудь тебе. Я постоянно знакомлюсь с какими-нибудь парнями.

– В колледже?

– Некоторые, может быть, не прочь познакомиться с жен-

щиной постарше.

– Ты с ума сошла.

– Не знаю. Но у меня неплохой вкус.

– Ты имеешь в виду Стива?

– Мы просто вместе развлекаемся, пока ничего серьезно-го. Но он, кажется, славный. Стив – волонтер в «Гуманитарном обществе» – по воскресеньям пристраивает животных из приюта.

– Он тебе нравится?

– В смысле, нравится вообще или как мужчина?

– Мы что, в школе?

Серена засмеялась:

– Я пока не знаю, как отношусь к Стиву. Но он клевый, а значит, у меня еще есть время, чтобы это выяснить.

– Когда я наконец с ним познакомлюсь?

– Ну-у... давай не будем спешить. Если вы познакомитесь, мама с папой тоже захотят, и ситуация окончательно выйдет из-под контроля. Что бы потом ни случилось, он будет думать, что для меня это имеет значение, а я, в отличие от тебя, еще слишком молода, чтобы заводить семью.

– Я тоже пока не хочу заводить семью.

– Возможно. Но тебе обязательно нужен парень.

– Ты замолчишь?

– Хорошо, хорошо. Тебе нужен не парень, а немножко внимания.

Мария не ответила, и Серена захихикала:

– Что, наступила на большую мозоль, да? Ладно, не обижайся. Какие у тебя планы на сегодня? Снова пойдешь плавать?

– Да, наверное.

– Одна?

– Если ты не хочешь присоединиться.

– Ни за что. Я до сих пор не понимаю, почему ты так это любишь. Совсем не похоже на танцы. Плавать скучно.

– Это полезно для здоровья. И успокаивает.

– Вот-вот, я так и сказала.

Мария улыбнулась:

– Ну а ты? Какие планы у тебя?

– Я намерена как следует отоспаться. А потом, потом... буду действовать по ситуации.

– Ну, надеюсь, ты найдешь себе занятие. Будет ужасно, если ты пропустишь очередную безумную ночь на Грик-Роу.

– Зависть – это грех, – заметила Серена и указала в сторону окна: – Папа наконец вернулся, и я страшно хочу есть. Пойдем?

Во второй половине дня, когда Серена, скорее всего, еще спала без задних ног, Мария уже рассекала гладь залива Мейсонборо, который давно стал для нее любимым местом проведения выходных. Остров Мейсонборо был крупнейшим барьерным островом вблизи южного побережья штата; хотя Мария иногда заплывала в океан, по большей части

она предпочитала тихие прибрежные воды. Как всегда, дикая жизнь вокруг так и кишела. За час она успела увидеть скопу, пеликанов, белых цапель и сделала несколько неплохих фотографий. В июне, на день рождения, Мария побаловала себя – купила отличный водонепроницаемый фотоаппарат. Хотя для этого пришлось выйти из бюджета и она до сих пор выплачивала кредит, она все-таки не жалела. Пускай ее фотографии и не печатались в «National Geographic», некоторые вышли достаточно красивыми для того, чтобы, по крайней мере, висеть на стенах квартиры – и это был неплохой вариант, потому что квартиру Мария тоже снимала на последние деньги.

Но здесь, в заливе, о житейских трудностях думалось без особой тревоги. Хотя Мария занялась плаванием на доске, только когда вернулась в Уилмингтон, это производило тот же эффект, что и некогда – танцы. Она достигла того уровня, когда держать равновесие удавалось без усилий, а ровный ритм гребли расслаблял. Обычно, после нескольких минут на воде, у Марии возникало ощущение гармонии с миром. В шее и плечах чувствовалось приятное, расслабляющее тепло, которое затем распространялось по телу; когда Мария, вернувшись домой, становилась под душ, она чувствовала себя в силах пережить очередную рабочую неделю. Серена ошиблась насчет гребли, это было не скучно, а необходимо для сохранения здоровой психики. Ну и фигуре, конечно, не вредило. За последний год у Марии загорели те

участки тела, которые, по ее мнению, загореть были не способны, и вдобавок девушке пришлось ушить одежду, потому что в талии и на бедрах она стала велика.

Но какая разница? Пускай Серена ошиблась насчет гребли, зато она верно подметила, что Марии исключительно не везло в личной жизни, начиная с Луиса. Луис был первым парнем, с которым у Марии завязалось что-то серьезное. Первым, которого она по-настоящему полюбила. Они дружили почти год, прежде чем начали встречаться, и на первый взгляд их многое объединяло. Луис, как и Мария, вырос в семье мексиканцев-иммигрантов и хотел стать юристом; и он тоже обожал танцы. Они встречались почти два года, и Мария уже рисовала себе их совместное будущее. Но Луис, напротив, ясно дал понять, что охотно будет встречаться с ней – и спать – лишь до тех пор, пока Мария не потребует большего. Простое упоминание о браке его насмерть перепугало. Мария пыталась убедить себя, что ее все устраивает, но в глубине души знала – это не так.

Так или иначе, разрыв стал для девушки неожиданностью. Однажды вечером Луис просто позвонил и сказал, что все кончено. Мария утешалась тем, что они стремились к разным целям в жизни и что Луис просто не был готов к отношениям, о которых она мечтала. А потом? Не прошло и года – Мария только что сдала экзамены, – как она узнала, что Луис обручился. Следующие полтора месяца она провела в отчаянии, ломая голову, отчего он решил жениться на дру-

гой, в то время как с ней даже не желал обсуждать эту тему. В чем она ошиблась? Может быть, она чересчур настаивала? Или Луису было скучно с ней? Или... еще что-нибудь. Оглядываясь назад, Мария не могла понять, в чем причина. Разумеется, было бы легче, если бы после Луиса она познакомилась с кем-нибудь еще, но с каждым годом Мария все сильнее убеждалась, что нормальных парней просто не осталось. Да и существовали ли они когда-нибудь? Где, например, мужчины, которые не требуют, чтобы девушка переспала с ними после первого или второго свидания? Где мужчины, которые считают, что заплатить по счету на первом свидании – это по-джентльменски? Где, наконец, мужчины с приличной работой и планами на будущее? После того как они с Луисом расстались, Мария просто из кожи вон лезла. Несмотря на занятия в юридической школе и на работу, Мария на выходных регулярно ходила развлекаться с друзьями, но разве ее приглашал на свидания кто-нибудь достойный?

Мария бросила грести, и доска заскользила по воде. Девушка потянулась, распрямляя спину. «Отчего же, приглашали, наверное», – подумала она. Но в прошлом она была склонна в первую очередь судить по внешности; помнится, она несколько раз отказывала парням, которые не блистали красотой. Может, в этом вся проблема. Не исключено, что она отвергла идеального мужчину, который оказался недостаточно высоким, а теперь он уже выбыл из гонки – и неудивительно. В наши дни идеальные мужчины не залеживаются

на полке, наверное, потому, что они редки, как калифорнийские кондоры.

По большей части Марию это не смущало. Она не походила на свою мать, которая твердила, что для женщины главное – семья. Мария жила собственной жизнью, она могла приходить и уходить когда вздумается, и, хотя никто не окружал ее заботой, ей тоже не приходилось ни о ком волноваться. Но в последнее время – когда Марии было уже под тридцать – она порой задумывалась, как было бы приятно с кем-нибудь потанцевать, или вместе пойти поплавать, ну или хотя бы кому-то пожаловаться на тяжелый день. Будь у нее много друзей, как у Серены, Мария бы не переживала, но большинство ее приятелей жили в Роли или в Шарлотте; чтобы встретиться с ними, пришлось бы ехать в другой город и ночевать на чужой кровати. Не считая родственников, Джилл и еще нескольких коллег – да, в том числе Пола, несмотря на неудачное свидание, – в Уилмингтоне Мария знала только тех, с кем когда-то ходила в школу. Но за те несколько лет, что она отсутствовала, они успели охладеть друг к другу. Мария думала, что надо возобновить прежние связи, но после окончания рабочего дня девушке больше всего хотелось полежать в ванне с бокалом вина и хорошей книжкой. Ну или, если энергии хватало, отправиться к заливу. Дружба отнимала много сил, и в последнее время Марии просто не доставало энергии куда-то ходить. Иными словами, жизнь она вела не очень-то веселую, зато, с другой стороны, уют-

ную и предсказуемую, в чем весьма нуждалась. Последний год в Шарлотте был мучителен, и...

Она встряхнула головой, отгоняя воспоминание об этом последнем годе. Сделав глубокий вдох, чтобы успокоиться, девушка строго велела себе думать о хорошем – как привыкла. Ведь в ее жизни было столько позитива. Семья, собственная квартира, любимая работа...

«Ты уверена? – вдруг спросил тихий внутренний голос. – Ты сама знаешь, что кривишь душой».

Все начиналось очень хорошо... ну да, как всегда. В небольшой фирме «Мартенсон, Герцберг и Голдман» Мария в основном работала на ведущего адвоката конторы, Барни Голдмана, который занимался делами о страховках. Барни перевалило за шестьдесят – столп фирмы, юридический гений, который носил льняные костюмы в полоску и говорил с тягучим акцентом, характерным для уроженца Северной Каролины. Перед клиентами и присяжными он представлял как добрый дедушка, хотя на самом деле был энергичен, требователен и готов к любым поворотам. Работая с Голдманом, Мария располагала временем, опытом и средствами на подготовку своих дел – это сильно отличалось от прежней работы в Шарлотте в качестве судебного обвинителя.

Джилл представляла собой дополнительный бонус. Будучи единственными женщинами в фирме, не считая секретарш и ассистенток, вращавшихся в собственном кругу, Джилл и Мария сразу же поладили, хотя и работали в разных

отделах. Три или четыре раза они вместе обедали, и Джилл частенько заглядывала к Марии, просто чтобы перекинуться парой слов. Она была остроумна и смешила девушку до слез, но притом обладала проницательным умом и считалась одним из основных ударных орудий фирмы. Оставалось загадкой, почему Джилл до сих пор не предложили стать компаньоном. Мария иногда задумывалась, не метит ли та в директорское кресло, хотя напрямик Джилл никогда об этом не говорила.

Главная проблема заключалась в Кене Мартенсоне, главном компаньоне фирмы, который нанимал ассистенток исходя из внешней привлекательности, а вовсе не квалификации, и слишком много времени проводил, витая между их столами. Марию это не особенно беспокоило, как и то, что Кен время от времени покровительствовал то одной, то другой – в такой манере, которую трудно было назвать сугубо деловой. В первую же неделю Джилл рассказала Марии о репутации Кена, особенно о его интересе к хорошеньким ассистенткам, но Мария просто отмахнулась. А потом Кен положил на нее глаз. Ничего хорошего это не сулило, и в последнее время ситуация еще усложнилась. Одно дело – избегать Кена в офисе, где всегда кто-то присутствовал, но на конференции в Уинстон-Сэлем, куда они поехали на прошлой неделе, Мария всерьез испугалась. Хотя Кен не стал заходить слишком далеко и провожать ее до двери номера – слава богу, – он все-таки вынудил Марию дважды присоединиться к

нему за ужином. А еще разыграл классический спектакль на тему «моя жена меня не понимает», то и дело спрашивая, не хочет ли она еще вина, хотя Мария и первый-то бокал не допила. Кен рассказывал про свой домик на пляже, тихий и уютный, и старательно намекал, что там никого нет. Если Мария захочет там погостить, достаточно сказать... Кстати, он уже упоминал, как редко доводится работать с умной и красивой сотрудницей?

Все очевидно. Тем не менее, когда Кен намекал на свои желания, Мария притворялась глухой и переводила разговор на темы конференции. По большей части это помогало, но она не соврала Серене, когда сказала, что всё непросто. Иногда Мария думала: и почему перед поступлением в юридическую школу никто не предупредил ее, что звание адвоката само по себе вовсе не гарантирует работу, как она всегда воображала? В последние годы самые разные фирмы сокращали штат, зарплаты падали, и вокруг было слишком много юристов, охотившихся за немногочисленными вакансиями. Уйдя из прокуратуры, Мария почти пять месяцев искала работу; насколько она знала, ни одна другая фирма в Уилмингтоне не принимала новых сотрудников. Стоило заикнуться о домогательствах или намекнуть на судебный иск – и она, вероятно, не нашла бы работу в целом штате. Юристы никого не ненавидят так, как коллег, способных их засудить.

Таким образом Мария попала в безвыходное положение. Конференцию она пережила, но поклялась себе, что больше

не окажется в такой ситуации. Она не заходила в комнату отдыха и старалась не засиживаться допоздна, особенно если знала, что Кен в офисе. Больше она ничего не могла поделать – кроме как молиться, чтобы он обратил внимание на другую ассистентку.

Мария получила очередное доказательство, что жизнь намного сложнее, чем она думала. Когда она впервые нашла настоящую работу, то была идеалисткой, и жизнь казалась ей приключением. Девушка искренне верила, что в том числе благодаря ее усилиям улицы остаются безопасными, а пострадавшие могут добиться правосудия и возмездия. Но со временем процесс начал утомлять Марию. Стало очевидно, что даже опасные преступники зачастую выходят на свободу. Заржавелые колеса системы вращались чересчур медленно, а дела не закрывались. И теперь Мария жила в городе своего детства и занималась делами, которые не входили в сферу деятельности окружного прокурора. Хотя поначалу девушка и была уверена, что жизнь наладится, как только она обживется, со временем она убедилась, что неприятности просто обрели другой оттенок.

Ее это удивило, но, впрочем, Марию удивляло почти все случившееся за последние семь лет. Перед людьми извне она представляла как молодой успешный специалист с собственным жильем, но иногда Марии казалось, что она просто жульничает. Отчасти проблема заключалась в финансах: когда в конце месяца она платила по счетам, денег на расхо-

ды оставалось меньше, чем в школьные годы. А еще – большинство подруг по колледжу уже вышли замуж, а некоторые и детьми обзавелись. Когда Мария общалась с ними, они, как правило, выглядели полностью довольными, словно их жизнь текла по намеченному руслу, тогда как у Марии были озабоченный босс, квартира, на которую едва хватало денег, и младшая сестра, казавшаяся намного мудрее и беспечнее. Если взрослая жизнь представляла собой именно это, Мария терялась в догадках, отчего в детстве ей так хотелось поскорее вырасти.

Целый час она размеренно гребла. Доска скользила по заливу, а Мария старалась наслаждаться видами. Она смотрела на медленно плывущие облака и на деревья, отражавшиеся в воде, подставляла лицо свежему соленому ветерку и купалась в лучах солнца, падавших на руки и на плечи. То и дело она что-нибудь фотографировала, например скопу, взлетевшую с рыбой в когтях. Снимок получился нечетким, но, если немного поработать в «Фотошопе», могло выйти нечто вполне приличное.

Вернувшись домой, Мария приняла душ и налила себе бокал вина, а потом устроилась в кресле-качалке, стоявшей на крошечном заднем крыльце. Девушка смотрела на людей, шагавших по Маркет-стрит, и от нечего делать пыталась угадать, как они живут. Ей нравилось придумывать истории про незнакомцев. «Вон тот, наверное, приехал из Нью-Йорка. А та женщина ведет детей в кафе есть мороженое». Приятное

и безобидное завершение выходных, в которых были свои плюсы и минусы.

Например, лопнувшая шина. Мария вспомнила, что завтра придется сменить колесо. Но когда? Пока она отсутствовала, у Барни накопилось для нее работы. А еще после обеда предстояли две важные встречи. К тому же она понятия не имела, что Кен предпримет дальше.

Паника усилилась наутро, когда Мария заметила Кена, разговаривавшего с Барни в кабинете, пока она болтала с Линн, пышной, но весьма некомпетентной особой, приписанной к команде Барни. Кен и Барни часто встречались перед утренними совещаниями, но странность заключалась в том, что Кен, выйдя из кабинета, просто кивнул Марии, даже не улыбнувшись, и зашагал по коридору. Отчасти она порадовалась, но в то же время от такой ледяной учтивости девушке стало не по себе. Несомненно, Кен разозлился.

Через несколько минут Джилл заглянула к ней, чтобы извиниться за неудачное свидание. Они немного поболтали – Джилл до конца недели уезжала из города снимать письменные показания, – и Мария рассказала подруге про лопнувшую шину и про незнакомца, который ее спас. Джилл только сильнее расстроилась.

Когда подруга ушла, Мария принялась обзванивать автосервисы, пытаясь найти ближайший, чтобы заехать туда после работы, но вскоре убедилась, что к тому моменту они все закроются. Единственным вариантом было махнуть в

один из них во время обеденного перерыва. Только с шестой попытки она наконец договорилась на половину первого, впритык к встрече с клиентом, назначенной на полвторого. Мария предупредила Барни, что, может быть, опоздает на несколько минут. Он нахмурился, но велел торопиться, предупредив, что ее присутствие очень важно. Мария вышла из офиса без четверти двенадцать, надеясь, что механики возьмутся за дело пораньше.

И напрасно. Они не начали даже в назначенное время. В итоге она провела час в ожидании, впадая то в панику, то в ярость, названивая секретарше, ассистентке и самому Барни. Только в третьем часу Мария наконец забрала машину и поехала обратно в офис. Когда она вбежала в конференц-зал, совещание шло уже сорок пять минут. Ледяной взгляд Барни ясно выражал его недовольство вопреки приятному тону, которым он приветствовал Марию.

После совещания она извинилась. Барни был в бешенстве, он ничуть не напоминал доброго дедушку, к которому привыкли клиенты. До конца дня атмосфера оставалась напряженной. Следующий день не принес облегчения. С головой уйдя в работу, Мария взялась за те задания, которые пропустила, находясь на конференции, помимо подготовки документов, необходимых Барни на следующей неделе. В понедельник и вторник она засиживалась за полночь и всю неделю, в отсутствие Джилл, обходилась без обеденного перерыва, перекусывая прямо за столом и не отрываясь от бумаг.

Барни, видимо, не замечал этого, ну или считал, что так и надо. Только в четверг лед начал таять.

Впрочем, в тот же день – Мария как раз заканчивала разговор с Барни по поводу дела о страховке, которую они оба считали фальшивкой, – она услышала за спиной знакомый голос. Девушка обернулась и увидела, что в дверях стоял Кен.

– Извините, – произнес он, обращаясь к обоим, но глядя на Барни. – Вы не возражаете, если я украду Марию на пару слов?

– Нет, – нараспев сказал Барни и кивнул Марии: – Позвони им и скажи, что завтра нужно будет провести совещание.

– Обязательно. Я передам вам их ответ, – произнесла Мария.

Она чувствовала пристальный взгляд Кена. Когда девушка повернулась к нему, дыхание перехватило. Кен развернулся и вышел, и Мария, без единого слова, последовала за ним по коридору в приемную. Когда Мария поняла, что он направляется к себе в кабинет, ноги у нее стали ватными. Они подошли к двери, и секретарша отвела взгляд.

Кен пропустил Марию вперед и закрыл за ней дверь. Исполненный энергии, он сел за стол и указал девушке на кресло напротив. А потом долго смотрел в окно, прежде чем наконец повернулся к Марии.

– Барни сказал, что вы пропустили в понедельник важную встречу.

– Я ее не пропустила, я опоздала...

– Я позвал вас не для того, чтобы играть словами, – перебил он. – Потрудитесь объяснить произошедшее.

Мария, застигнутая врасплох, забормотала что-то в свое оправдание. Она попыталась рассказать, как искала подходящий сервис и что из этого вышло. Когда она закончила, Кен некоторое время молчал.

– Вы ведь понимаете, чем мы тут занимаемся, правда? И для чего вас наняли. Наши клиенты ожидают высокого профессионализма.

– Да, конечно, я понимаю. Я знаю, что клиенты – это важно.

– А вы знаете, что Барни хотел сделать вас ведущим консультантом? И вы сами перечеркнули эту возможность, потому что вам позарез понадобилось поменять колесо в рабочее время.

Мария покраснела, шокированная этой новостью, и у нее закружилась голова.

– Нет, Барни ничего мне не говорил, – сказала она. – И я уже объяснила, что хотела съездить в сервис после работы, но к тому моменту они все закрылись бы. Честное слово, я думала, что успею вернуться вовремя. Я знаю, что рисковала, но...

– Но тем не менее охотно рискнули, – вновь перебил Кен.

Мария открыла рот, чтобы ответить, но поняла, что никакие слова уже не заставят его сменить гнев на милость.

– Должен сказать, я крайне разочарован вашим решением, – спокойно произнес он. – Мы рискнули и приняли вас на работу, в том числе под мою ответственность. Ваша работа в прокуратуре, как вы сами понимаете, не имеет никакого отношения к тому, чем мы здесь занимаемся. Но я думал, у вас есть потенциал. А теперь я уже не знаю, что думать. Возможно, я ошибся.

– Мне очень жаль. Такого больше не повторится.

– Надеюсь. Ради вашего же блага, а не ради моего.

– Как я могу исправить положение?

– Сейчас – никак. Я поговорю с Барни и узнаю, что он думает. Мы сообщим вам.

– Может быть, я позвоню клиенту и извинюсь?

– Не стоит. Я уже сказал, что мы с Барни это обсудим. Но если подобное повторится...

Кен протянул руку и включил настольную лампу.

– Не повторится, – шепотом ответила Мария, пытаясь справиться с духом.

Барни собирался сделать ее ведущим консультантом? Почему он раньше не сказал?

Тут зазвонил телефон, и Кен взял трубку. Представившись, он кивнул и прикрыл трубку рукой.

– Мне нужно ответить на звонок. С вами мы поговорим в другой раз.

Он так произнес это, что не осталось никаких сомнений – они еще поговорят. Мария встала, испуганная и унижен-

ная. В растрепанных чувствах, она вышла, еле волоча ноги. Слава богу, секретарша не обратила на нее внимания, когда она проходила мимо. Добравшись до своего кабинета, Мария закрыла дверь, прокрутила в голове разговор с Кеном и невольно задумалась, сколько еще здесь продержится.

Глава 3

Колин

В понедельник Колин вышел из дома и зашагал к машине, когда внезапно заметил детектива Пита Марголиса. Коп припарковался на улице прямо перед домом и стоял, прислонившись к капоту, со стаканчиком кофе в руках и зубочисткой во рту. В отличие от большинства полицейских, с которыми Колин имел дело, Марголис проводил в спортзале не меньше времени, чем он сам. Рукава у него были закатаны и туго облегли бицепсы. Марголису было под сорок, темные волосы он зачесывал назад. Пару раз в месяц он появлялся без предупреждения, чтобы взглянуть на Колина – так гласило условие суда. Марголис явно наслаждался властью над подопечным.

– Хреново выглядишь, Хэнкок, – заметил он, когда Колин приблизился. – Ты натворил что-нибудь, о чем мне надо знать?

– Нет, – ответил Колин.

– Уверен?

Колин смерил детектива взглядом вместо ответа. Он знал, что коп рано или поздно перейдет к сути.

Марголис перекинул зубочистку в другой угол рта.

– Около полуночи была драка на парковке у «Безумной

лошади». Какие-то парни швыряли друг в друга бутылками и поцарапали несколько машин. Одного мужика отправили в нокаут. Свидетели говорят, он получил удар ногой по голове, когда лежал на земле. Сейчас он в больнице с проломанным черепом. Тяжкие телесные, сам понимаешь. Как только я об этом услышал, то подумал: о, что-то знакомое. Я, кажется, арестовывал тебя за похожее прямо здесь, в Уилмингтоне. Несколько лет назад, правда? И с тех пор, кажется, ты успел засветиться еще в паре потасовок?

Ответы Марголис знал заранее, но Колин тем не менее их озвучил.

– Да – на первый вопрос. Нет – на второй.

– А, ну да. Потому что каждый раз вмешивались твои друзья. Тот придурковатый парень и его блондинистая цыпочка.

Колин промолчал. Марголис не сводил с него взгляда. Молчание длилось, пока детектив наконец не произнес:

– Вот почему я здесь.

Колин молчал. Он знал, что в присутствии полиции нужно говорить как можно меньше.

– Поставь себя на мое место, – продолжал Марголис. – Проблема в том, что почти все участники разбежались, как только услышали сирену. Остались несколько свидетелей, и я поговорил с ними, но понял, что просто трачу время зря. Гораздо проще отправиться сразу к источнику неприятностей, правда?

Колин поправил рюкзак на плече.

– Мы закончили?

– Нет. Ты, кажется, не понимаешь, о чем речь.

– Понимаю. Но меня это не волнует. Меня там не было.

– Ты можешь это доказать?

– А вы можете доказать обратное?

Марголис отхлебнул кофе и выудил из кармана новую зубочистку. Не торопясь, сунул ее в рот.

– По-моему, ты юлишь.

– Я всего лишь задал вопрос, – заметил Колин.

– Ладно, ладно, давай вернемся к вопросам. Где ты был вечером в субботу?

– В Джексонвилле.

– Ах да. Матч. Смешанные единоборства. Ты говорил. Ну и как, ты победил?

На самом деле Марголису было наплевать, и Колин это знал. Он молча наблюдал, как тот пьет кофе.

– Дело в том, что от свидетелей мы получили кое-какие описания, и оказалось, что парень, который нанес удар ногой, – старше двадцати, мускулистый, с татуировками на руках, темноволосый, коротко стриженный. И, кстати, на парковку он уже явился с разбитой физиономией. Его видели в баре. А поскольку я знал, что ты недавно дрался в Джексонвилле... ну, не нужно быть гением, чтобы догадаться, что произошло.

Колин задумался, много ли правды в словах Марголиса.

– У вас есть ко мне еще вопросы?

Марголис снова покрутил во рту зубочистку и поставил кофе на капот.

– Ты был в «Бешеной лошади» в субботу вечером?

– Нет.

– Не заходил хотя бы на минуту?

– Нет.

– А если у меня есть свидетель, который тебя там видел?

– Он врет.

– А ты нет?

Колин не ответил. Не было смысла. После долгого молчания Марголис скрестил руки на груди, почти бессознательно напряг мышцы.

Если бы детектив действительно имел против него улики, Колина бы уже арестовали.

– Ладно, – произнес Марголис. – Тогда скажи, где ты был в воскресенье между полуночью и часом ночи?

Колин порылся в памяти.

– Я не смотрел на часы. Но я либо сидел в закусочной Трея на Семнадцатом шоссе, либо ехал домой, либо под дождем менял колесо одной дамочке. Я был дома около половины второго.

– Закусочная Трея? Какого черта ты там делал?

– Я проголодался.

– А когда ты выехал из Джексонвилла?

– За полночь. Минут в пять или десять первого. Точно не знаю.

– Есть свидетели?

– С десяток.

– Я так понимаю, у Трея ты сидел не один?

– Нет, с Эваном.

Марголис фыркнул:

– С Эваном? Да, это очень удобно.

Колин выпятил челюсть, пропустив колкость мимо ушей.

– Наверняка официантка нас запомнила.

– Потому что видок у тебя, словно ты угодил лицом в мясорубку?

– Нет. Потому что Эван в таких местах не остается незамеченным.

Марголис ухмыльнулся, но дело есть дело.

– Значит, ты уехал из закусочной.

– Да.

– Один?

– Да. Эван уехал чуть раньше. Он был на своей машине.

– Значит, никто не может подтвердить, куда ты направился?

– Я уже сказал, что случилось потом.

– А, ну да, ты менял какой-то даме колесо.

– Да.

– В грозу.

– Да.

– Твоя знакомая?

– Нет.

– Тогда зачем ты остановился?

– Подумал, что ей нужна помощь.

Марголис задумался над словами Колина, явно решив, что тот наконец попался.

– С чего ты взял, что ей нужна помощь, если ты просто ехал мимо?

– Я увидел, что она не может вытащить записку из багажника. Тогда я остановился, вышел из машины и предложил помощь. Сначала она отказалась и попросила у меня телефон, чтобы позвонить сестре. Я дал свой мобильник, и она позвонила. А потом попросила помочь с колесом. Я помог, сел в машину и поехал домой.

– Во сколько это было?

– Не знаю. Но она звонила сестре с моего телефона. Если надо, покажу список исходящих.

– Давай.

Колин полез в карман и достал мобильник. На экране, подтверждая его алиби, появился список звонков. Он показал телефон Марголису.

Детектив достал блокнот и нарочито медленно переписал номер. Несомненно, звонили примерно во время драки на парковке, потому что бицепсы у Марголиса опять напряглись.

– А откуда мне знать, что это телефон сестры той женщины?

– Неоткуда.

– Но ты не против, если я позвоню и проверю?

– Делайте что хотите. Вы же свое время тратите.

Марголис слегка прищурился:

– Думаешь, ты самый умный?

– Нет.

– А по-моему, думаешь. Знаешь что? Зря.

Колин промолчал. Они долго мерили друг друга взглядами. Наконец Марголис забрал кофе и обошел машину, направляясь к водительскому сиденью.

– Я проверю, учти. Потому что мы оба знаем, что тебе нечего делать на свободе. Скольких людей ты отправил в больницу за последние несколько лет? Ты жесток. Думаешь, что всегда сможешь держать агрессию под контролем? Ты ошибаешься. И когда ты сорвешься, я буду поблизости. И первым скажу: «Я же предупреждал».

Седан тронулся с места. Колин проводил машину взглядом, пока она не скрылась за углом.

...– Что случилось?

Колин развернулся и увидел на крыльце Эвана. Тот, уже полностью одетый, спустился и зашагал по дорожке.

– Как обычно.

– Что на сей раз?

– Драка в «Бешеной лошади».

– Когда?

– Когда я был с тобой. Или ехал домой. Или менял колесо.

– Я могу стать свидетелем?

– Сомневаюсь. Марголис знает, что я не виноват, иначе он бы уже арестовал меня и допрашивал в участке.

– Тогда зачем столько шума?

Колин пожал плечами. Вопрос был риторический: ответ они оба знали. Колин протянул руку.

– Это галстук, который Лили подарила тебе на день рождения?

Эван опустил глаза на свой разноцветный галстук с узором «огурцы».

– Да, да. У тебя хорошая память. А что? Слишком ярко?

– Какая разница, что я думаю?

– Но тебе не нравится.

– Если хочешь его носить, носи.

Эван вдруг заколебался.

– Зачем ты это делаешь? – спросил он.

– Что?

– Отказываешься отвечать на простой вопрос.

– Потому что мое мнение не имеет значения. Ты имеешь право носить все, что хочешь.

– Просто ответь!

– Да, мне не нравится твой галстук.

– Правда? Почему?

– Он безвкусный.

– А вот и нет.

Колин кивнул.

- Ты сам не знаешь, что говоришь.
- Очень может быть.
- Ты даже не носишь галстуки!
- Ты прав.
- Так почему меня должно волновать твое мнение?
- Не знаю.

Эван нахмурился:

- С тобой невозможно разговаривать.
- Ты повторяешься.
- Конечно! Только вчера об этом говорили! Потому что это правда! Необязательно брякать все, что придет в голову.
- Но ты же сам спросил.
- Но... ладно, проехали.

Эван развернулся и зашагал обратно к дому.

- Потом поговорим, хорошо?
- Ты куда?

Эван сделал еще несколько шагов, прежде чем буркнул:

- Сменить галстук. И, кстати, Марголис был прав, ты как будто угодил лицом в мясорубку.

Колин улыбнулся:

- Эван!

Друг остановился и обернулся:

- Что?
- Спасибо.
- За что?
- За все.

– Да, да. Скажи спасибо, что я не передам твои слова Лили.

– Если хочешь, передай. Я и так ей уже сказал.

Эван уставился на него.

– Ну да. Не сомневаюсь.

В аудитории Колин сидел в третьем ряду, записывая и стараясь сосредоточиться на том, что говорил преподаватель. Речь шла о распространении грамотности. В первое время в колледже Колин испытывал двойственные чувства: с одной стороны, он думал, что профессор говорит тривиальные вещи, и гадал, зачем они ему нужны, а с другой – что в этом кроется некий, пока еще непонятный, смысл, способный когда-нибудь превратить общие принципы в связную образовательную стратегию и в формальные планы уроков. Главная проблема заключалась в том, что преподаватель – невротичная женщина средних лет с певучим голосом – перескакивала с темы на тему, так что слушать ее внимательно было трудно.

Колин учился в колледже третий год, но в Уилмингтоне – первый семестр. Два года он провел в колледже Кейп-Фир и закончил его с отличием. До сих пор Колин не мог понять, где было сложнее, там или тут; в конце концов, все сдавали экзамены и писали контрольные работы. Колин не слишком волновался: он старался читать материал с опережением и знал, что Лили поможет ему с учебой – погоняет по вопро-

сам, когда понадобится, и проверит эссе. В общем, Колин охотно отводил на учебу как минимум двадцать пять часов в неделю, не считая времени, проведенного в аудитории; каждый раз, когда выдавался перерыв, он шел в библиотеку – и до сих пор его усердие оправдывалось. В отличие от большинства студентов, которые поступили в колледж в том числе ради веселой жизни, он пришел только для того, чтобы узнать как можно больше и получить максимальный балл. Поразвлекся Колин уже успел; на самом деле, учеба была единственным средством избежать прежнего неверного пути.

Он гордился своими достижениями – дружбой с Эваном и Лили, тренировками, местом, которое он мог назвать домом. Колину не слишком нравилась его работа – ресторан, где он подрабатывал барменом, чересчур кишел туристами, – зато там он мог не бояться, что влезет в неприятности. Большинство клиентов заходили туда поесть, в том числе много семей с детьми, и те, кто сидел у стойки, обычно ждали, когда освободится столик или когда принесут еду. Ресторан сильно отличался от баров, которые Колин посещал раньше. В годы безумной юности он предпочитал бары для заядлых алкоголиков, темные и грязные неприметные забегаловки, где на заднем фоне редела – или не редела – музыка. Его ожидали неприятности, как только он входил в дверь, и судьба спешила оказать ему услугу. Теперь Колин старательно избегал подобных мест. Он знал свою точку кипения и больные места;

хотя уже научился сдерживаться, всегда был шанс оказаться в ситуации, когда гнев мог выйти из-под контроля. И Колин не сомневался: даже если он ввяжется в неприятности в другом штате, Марголис докопается, и следующие десять лет он проведет за решеткой, в окружении людей с аналогичными проблемами.

Спохватившись, Колин заставил себя вновь сосредоточиться на лекции. Профессор объясняла, что некоторые учителя считали полезным читать детям отрывки из книг, подходящих по возрасту, в противовес книгам, которые предлагались более старшим или младшим ученикам. Колин задумался, записывать или нет. Понадобится ли ему в будущем эта информация? И решил: почему бы нет? Если преподаватель считает, что это важно, он, так и быть, запишет.

И тут Колин заметил темноволосую девушку, которая смотрела на него через плечо. Конечно, он привлек удивленные взгляды, когда вошел в аудиторию — даже профессор дважды посмотрела на Колина и запнулась посреди фразы. Но потом все повернулись к кафедре.

Кроме этой девушки. Она наблюдала за ним. Очень внимательно. Колин сомневался, что она флиртует; скорее, она что-то пыталась понять. Впрочем, ему-то какая разница? Пусть смотрит, если хочет, ее дело.

Лекция закончилась. Колин закрыл тетрадь, сунул в рюкзак и закинул его за спину. И поморщился, когда рюкзак хлопнул по разбитым ребрам. После занятий он собирался

сходить в спортзал, чтобы выпустить пар, но к физическому контакту сейчас явно не был готов. Никаких спаррингов и схваток. Только основные силовые упражнения, полчаса со скакалкой. Потом он сделает небольшой перерыв, наденет наушники и пробежит миль пять под музыку, которую родители всегда терпеть не могли. Затем отправится в душ и соберется на работу. Колин задумался, какотреагирует хозяйка, когда увидит его; наверное, ей не понравится. Разбитое лицо плохо сочеталось с интерьером туристического ресторана. Но что поделаешь?

Имея в распоряжении целый час до начала следующей лекции, Колин зашагал к библиотеке. Ему нужно было писать контрольную работу; он начал на прошлой неделе, но хотел закончить черновик в ближайшее время, предстояло как следует потрудиться. Свободное время в промежутке между тренировками и работой приходилось использовать как можно рациональнее.

Все еще чувствуя боль, Колин шел медленно и отмечал реакцию пробегавших мимо девушек. Она была почти одинаковой: они замечали его, быстро оглядывались с выражением ужаса и страха на лице, а потом делали вид, что ничего не видели. В душе его это даже веселило; если бы он крикнул или свистнул, они, наверное, разбежались бы в разные стороны.

Когда он свернул на другую дорожку, сзади послышался голос:

– Эй, подождите! Да, вы, вы!

Колин был уверен, что окликают кого-то другого, и не стал оборачиваться.

– Эй! Парень с разбитым лицом! Я же сказала, подождите!

Сначала он подумал, что ослышался – а когда остановился и обернулся, то увидел темноволосую девушку, которая махала ему. Он посмотрел по сторонам – никто больше не обращал на нее внимания. Когда она приблизилась, Колин окончательно убедился, что именно она рассматривала его в аудитории.

– Вы мне?

– А как, по-вашему? – спросила девушка, останавливаясь в нескольких шагах. – У кого тут еще разбитое лицо?

Колин не знал, как отреагировать, но она произнесла это таким тоном, что невозможно было обижаться.

– Мы знакомы?

– Мы в одной группе.

– Знаю. Я видел, как вы на меня смотрели. И все-таки мы незнакомы.

– Вы правы, – сказала девушка. – Мы посторонние люди. Можно задать вопрос?

Колин знал, что будет дальше – разбитое лицо вроде как наводило на мысль, – и подтянул поудобнее рюкзак.

– Я подрался.

– Догадываюсь. Но я вообще-то хотела спросить про другое. Сколько вам лет?

Он удивленно хлопнул глазами.

– Двадцать восемь. А что?

– Прекрасно, – произнесла девушка, не ответив на вопрос. – А куда вы идете?

– В библиотеку.

– Отлично, я тоже. Пойдемте вместе? Нам надо поговорить.

– О чем?

Она улыбнулась и стала смутно кого-то напоминать.

– Вот и выясните.

Глава 4

Мария

– Куда мы едем? – спросила Мария с водительского места.

Полчаса назад она забрала Серену на Саут-стрит, которая тянулась параллельно реке Кейп-Фир. Серена стояла на перекрестке, в районе, застроенном старыми конторами и какими-то сараями, не обращая внимания на рабочих на другой стороне улицы, которые откровенно на нее пялились. Этот район медленно, но верно оживал, как и другие прибрежные участки, но пока повсюду кипела работа.

– И напомним, зачем ты просила тебя подвезти.

– Я уже говорила. Мы едем в ресторан, – сказала Серена. – Я сегодня не буду садиться за руль, потому что собираюсь выпить.

Она отбросила прядь волос за плечо.

– Кстати, собеседование прошло удачно. Чарлз сказал, что я очень вдумчиво отвечаю. Спасибо, что спросила.

Мария закатила глаза.

– Как ты туда добралась?

– Стив подвез. Кажется, я ему нравлюсь. Потом он меня заберет.

– Да уж, не сомневаюсь, что ты ему нравишься, если он готов стоять в пробке.

Хотя сентябрь перевалил за половину, погода стояла жаркая, как в начале августа, и на набережной было яблоку негде упасть. Мария уже объехала квартал дважды, ища, где бы припарковаться.

– Какая разница? Мы на пляже.

– В центре есть рестораны получше.

– Откуда ты знаешь? Ты хоть раз была на Райтсвилл-Бич, с тех пор как вернулась из Шарлотты?

– Нет.

– Вот именно. Ты живешь в Уилмингтоне и должна почаще бывать на пляже.

– Я хожу плавать, если ты забыла. Пляж я вижу чаще, чем ты.

– Я имею в виду, надо ходить туда, где бывают люди, а не только птицы, черепахи и рыбы. Туда, где весело, где отличный вид на море и приятная атмосфера.

– «Дерзкий Пит»?

– Поддержим местных предпринимателей.

– Это ловушка для туристов.

– И что? Я никогда здесь не была и хочу выяснить, в чем прикол.

Мария поджала губы.

– Почему у меня такое ощущение, что ты чего-то недоговариваешь?

– Потому что ты юрист. Ты всех подозреваешь.

– Ну или просто ты что-то затеяла.

– С чего ты взяла?

– Сегодня суббота. А мы с тобой никуда не ходим в этот день. Ты никогда раньше не звала меня развлекаться в субботу вечером.

– Вот почему мы поужинаем пораньше, – ответила Серена. – В выходные в барах выступают разные группы, и мы со Стивом, ну и еще несколько человек, хотим послушать музыку, прежде чем отправиться по клубам. Раньше десяти или одиннадцати они по-любому не начнут, так что у нас уйма времени.

Мария знала: сестра что-то задумала, но никак не могла понять, что именно.

– Надеюсь, ты не думаешь, что я буду таскаться с вами?

– Ни за что, – сказала Серена, фыркнув. – Ты уже стара для клубов. Это все равно что ходить на дискотеку с родителями.

– Ну спасибо.

– Я не виновата, ты сама сказала, что парни моего возраста для тебя слишком молоды. Что? Ты вдруг передумала?

– Нет.

– Именно поэтому мы с тобой только поужинаем.

Мария вдруг заметила, как одна из машин отъехала. Она развернулась, намереваясь занять свободное место. От ресторана его отделяла пара кварталов, но Мария сомневалась, что сумеет подобраться ближе. Она припарковалась, не в силах избавиться от ощущения, что Серена о чем-то умалчи-

вает. Сестра, видимо, это почувствовала.

– Перестань трястись и не порти мне настроение. Что плохого в том, чтобы провести время с сестрой?

Мария помедлила.

– Да, но давай договоримся. Если за столиком к нам присоединится парень или если ты задумала еще какую-нибудь глупость в том же духе, я рассержусь.

– Я не Джилл и не Пол. Я не стану устраивать дурацкое свидание вслепую, не спросив твоего разрешения. Если хочешь, могу поклясться, что никакого парня за столиком не будет. Мы просто перекусим в баре. Говорят, оттуда отличный вид. Договорились?

Мария поколебалась и наконец заглушила мотор.

– Договорились.

«Дерзкий Пит», стоявший рядом с пирсом на Райтсвилл-Бич, обслуживал клиентов уже около сорока лет. С трудом переживая ураган за ураганом, он бы давно обрушился, если бы с течением времени его не ремонтировали бесчисленное множество раз. Итогами этих ураганов стали облупленная краска, проржавевшая крыша и несколько сломанных ставней.

Несмотря на неприглядный вид, в ресторане былолюдно. По пути к лестнице, ведущей в бар на крыше, Марии и Серене пришлось протискиваться сквозь толпу туристов, ожидавших появления свободного столика. Следуя за сестрой, Ма-

рия рассматривала деревянные столы, стулья и разнообразные граффити на стенах. С потолка свисали предметы, которые прежний хозяин, Пит, давным-давно умерший, якобы выловил во время рыбалки – покрышки, теннисные туфли, спущенные баскетбольные мячи, лифчик, игрушки, десятки автомобильных номеров из самых разных штатов.

– Неплохо, да? – через плечо спросила Серена.

– Очень людно.

– Новый опыт для тебя. Пошли.

Они поднялись по скрипучей лестнице на крышу. Оказавшись на свету, под безоблачным небом, Мария прищурилась. В отличие от зала внизу, здесь, в баре, сидела только взрослая публика, с бутылками пива и коктейлями. Три официантки в шортах и черных топиках шныряли между столами, забирая пустую посуду и расставляя бокалы. На многих столах стояли жестяные ведра, полные крабов. Клиенты разламывали панцири, добираясь до вкусного мяса.

– Нам повезло, я вижу два свободных места, – сказала Серена.

Стойка находилась в дальнем конце, частично защищенная от зноя ржавым жестяным навесом. Перед ней стояли десять табуретов. Девушки принялись петлять между столиков под палящими лучами солнца. Под навесом, впрочем, было прохладнее; когда Мария присела, соленый морской бриз подернул ее волосы. За спиной Серены виднелись волны, которые разбивались о берег и из синих внезапно становились бе-

лыми. Хотя уже подходило время ужина, на пляже по-прежнему были сотни людей – они резвились в воде или лежали на полотенцах. На пирсе стояла толпа рыболовов, которые ждали поклевки, перегнувшись через перила. Серена окинула все это взглядом и повернулась к сестре.

– Ну, признай, – потребовала она. – Именно то, что тебе нужно. Скажи, что я была права.

– Ладно. Ты была права.

– Люблю, когда ты так говоришь, – радостно отозвалась Серена. – А теперь давай что-нибудь выпьем. Что подсказывает сердце?

– Бокал вина.

– Нет-нет-нет, – запротестовала сестра, качая головой. – Здесь ты не будешь пить вино. Это не то место, где пьют вино! Нужно взять что-нибудь... пляжное. Как будто мы в отпуске. Пина-коладу, например, или «Маргариту».

– Ты серьезно?

– Научись жить! – сказала Серена и облокотилась на стойку. – Привет, Колин. Налей нам чего-нибудь?

Мария не сразу заметила бармена и теперь посмотрела на него. Бармен, в выцветших джинсах и белой рубашке с засученными до локтей рукавами, выполнял заказ для официантки, ожидавшей у дальнего края стойки. Мария машинально заметила, что Колин выглядел очень спортивно. У него были мускулистые плечи и узкие бедра. Волосы он стриг очень коротко, почти по-армейски, так что виднелась замыс-

ловатая татуировка, змеившаяся по шее. Хотя парень стоял спиной, Марии понравилось, как ловко он двигался, готовя коктейли. Она наклонилась к сестре.

– Ты, кажется, сказала, что никогда не бывала здесь.

– Правда.

– Тогда откуда ты знаешь, как зовут бармена?

– Здесь работает моя приятельница.

И тут бармен повернулся. Лицо Колина частично находилось в тени, и Мария не сразу разглядела его черты; когда он подошел ближе, она заметила поблекший синяк на скуле... и тут все встало на свои места. Бармен тоже застыл на мгновение. Несомненно, думал он то же самое. «Не может быть». Воцарилось неловкое молчание, и у Марии возникло ощущение, что хоть Колин и не в восторге от сюрприза, устроенного Сереной, но он вовсе не огорчен. Бармен встал перед девушками и, чуть подавшись вперед, уперся рукой в стойку, так что стало видно мускулистое, украшенное разноцветными татуировками предплечье.

– Привет, Серена, – сказал Колин.

Его голос звучал так же спокойно и уверенно, как в прошлый раз.

– Ты все-таки решила прийти.

Серена предпочла сделать вид, будто все это вышло случайно.

– Я подумала: почему бы и нет? А тут шикарно, – она обвела бар рукой. – Просто супер. Ты был прав насчет вида с

крыши. Я впечатлена. Много сегодня было народу?

– Я с ног сбиваюсь.

– Неудивительно. Кому не захочется сюда зайти в такой день. Кстати, это моя сестра, Мария.

Их взгляды встретились. Лицо Колина оставалось невозмутимым, не считая легкого удивления. Вблизи он выглядел совсем не так, как в ту ночь, когда менял Марии колесо. Было нетрудно догадаться, что этот парень с высокими скулами, серо-синими глазами и длинными ресницами может зацепить любую женщину.

– Привет, – сказал он, протягивая руку через стойку. – Я Колин.

Мария пожала ему руку и почувствовала в ней скрытую силу. Бармен перевел взгляд на Серену и обратно.

– Что вам налить? – спросил он.

Серена поставила оба локтя на стойку.

– Две пина-колады.

– Минуту, – безмятежно ответил Колин.

Развернувшись, он взял блендер и нагнулся к холодильнику (джинсы туго обтянули его бедра). Мария пытливо смотрела, как он смешивал ингредиенты в блендере, а потом, прищурившись, взглянула на Серену.

– Так?! – произнесла она, скорее утверждая, чем спрашивая.

– Что? – спросила Серена, явно довольная собой.

– Мы поэтому сюда пришли? Потому что ты хотела нас

познакомить?

– Ты же сама сказала, что не успела его поблагодарить. Это шанс.

Изумленная Мария покачала головой:

– Как ты...

– Колин учится в моей группе.

Серена потянулась к миске с орешками, стоявшей на стойке.

– Но по-настоящему мы познакомились несколько дней назад. И в процессе он упомянул, что работает здесь и что у него смена сегодня вечером. Я подумала, что будет весело заехать сюда и поздороваться.

– Ну конечно.

– А что такого? Скоро мы уйдем, и ты поедешь домой вязать чулки для кошек. Не делай из мухи слона.

– Незачем. Ты уже это сделала сама.

– Будешь ты с ним разговаривать или нет, мне нет дела, – ответила Серена и потянулась за следующим орешком. – Живи как хочешь. Но раз мы уже тут, давай просто повеселимся, ладно?

– Мне неприятно, что ты...

– Если хочешь знать, – перебила сестра, – Колин правда классный парень. И умный. И признай, для бармена он красив. – Она понизила голос до шепота: – По-моему, татуировки очень сексуальны... Держу пари, под одеждой тоже что-то скрывается...

Мария не сразу нашлась что ответить.

– Да уж наверное, – фыркнула она, пытаясь успокоиться и испытывая то же смущение, что и во время первой встречи с Колином. – Пожалуйста, давай просто выпьем и уйдем.

Серена поморщилась:

– Но я хочу поесть.

Колин принес и поставил перед девушками бокалы с пенящимися напитками.

– Еще что-нибудь? – спросил он.

Прежде чем Мария успела отказаться, Серена повысила голос, чтобы перекричать толпу:

– Меню, пожалуйста!

Серена нарочно не обращала внимание на смущение Марии за ужином.

Тем не менее та признавала, что ей было не настолько неловко, насколько она ожидала, в основном потому, что Колин, занятый работой, не уделял им какое-то особое внимание. Он ни словом не обмолвился о колесе или о колледже; из-за обилия клиентов он едва успевал справляться с заказами. Колин постоянно сновал с одного конца стойки на другой, принимал заказы, готовил напитки, принимал счета и подавал официанткам все, что нужно. Через час в баре стало еще болеелюдно; хотя на помощь к Колину пришел второй бармен – симпатичная блондинка чуть старше Серены, – очередь к стойке не уменьшалась. Если Колин как-то и дал

понять, что знаком с Сереной, это выразилось только в том, что у девушек быстро приняли заказ и принесли им еду и вторую порцию коктейлей. Еще он забрал тарелки, как только они поели, и подал счет, не заставляя ждать. Серена тем временем неумолчно болтала.

Бывали минуты, когда Мария совсем забывала про Колина, хотя порой посматривала в его сторону. Серена ничего больше о нем не сказала, но Марии показалось, что он слишком взрослый для студента. Она подумала, не спросить ли у сестры, но решила не доставлять Серене такое удовольствие, раз уж та затащила ее сюда под вымышленным предлогом.

Мария невольно признала правоту Серены: Колин действительно был красив. Очень приятный на вид, несмотря на татуировки и мощное сложение, он к тому же обладал легкой иронической улыбкой, и, насколько Мария могла судить, по нему сошли все три официантки. Неровно дышала к бармену и компания женщин в дальнем углу бара, явившаяся двадцать минут назад. Судя по тому, как они улыбались Колину, готовившему напиток, и как глазели на него, когда он отворачивался. И барменша тоже. Хотя она была занята не меньше Колина, но внезапно становилась очень рассеянной, когда он тянулся мимо нее за бокалом или бутылкой.

Симпатичные бармены – довольно частое явление, как и флирт с ними, но реакция Колина на завуалированные и откровенные заигрывания удивила Марию. Он со всеми держался любезно, но тем не менее не обращал никакого внима-

ния на воздыхательниц. Или, по крайней мере, притворялся равнодушным. Пока Мария пыталась разгадать причину, за стойкой возник еще один бармен, постарше, частично заслонив от нее Колина. Серена тем временем достала мобильник и принялась набирать сообщение.

– Я скажу Стиву и Мелиссе, что мы скоро выйдем, – сообщила она, не отрываясь от экрана.

– Они здесь?

– Идут сюда, – ответила Серена.

Мария кивнула, а сестра продолжила:

– Кстати, ему двадцать восемь.

– Стиву?

– Нет. Стив мой ровесник. Колина двадцать восемь.

– И что?

– Тебе тоже.

– Да, я в курсе.

Серена допила коктейль.

– Я подумала, что тебе стоит это знать, раз уж ты весь вечер глаз не можешь от него оторвать.

– Неправда.

– Ну да, конечно.

Мария потянулась за бокалом, чувствуя легкое возбуждение от спиртного.

– Ладно, – признала она. – Может быть, я действительно пару раз на него глянула. Но двадцать восемь лет – это как-то многовато для студента, ты так не думаешь?

– Зависит от...

– От чего?

– От того, когда поступишь. Колин в колледже всего два года, так что пока всё идет по графику. Он тоже хочет стать учителем начальных классов. И, если желаешь знать, учится лучше, чем я. Он очень серьезно относится к учебе. Сидит в первом ряду и пишет как заведенный.

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Он ведь тебе интересен.

– Нет.

– Да, ты ведь к нему абсолютно равнодушна, – Серена изобразила невинность. – Он уж точно не тот, с кем ты бы пошла танцевать. Такой красавчик? Да ни за что.

Мария открыла рот, чтобы ответить, и вновь закрыла, понимая, что любые слова только подзадорят сестру. В тишине у Серены зазвонил мобильник, и она взглянула на экран.

– Стив внизу. Пойдем? Или ты хочешь еще посидеть?

– Зачем? Ты ждешь, что я начну флиртовать с Колином?

– Его нет.

Мария подняла глаза. Действительно, Колина не было за стойкой.

– Дневная смена закончилась, так что, наверное, он уже ушел, – сказала Серена, вставая со стула.

Она взяла сумочку.

– Кстати, спасибо за ужин. Хочешь прогуляться с нами?

Мария поднялась.

– По-моему, ты сказала, что не намерена знакомить меня со Стивом.

– Я пошутила. Кстати, он мечтает стать юристом. А вдруг ты сумеешь его отговорить.

– С какой стати?

– Мне правда нужно объяснять? После всего, что ты пережила.

Мария помолчала. Серена, как и родители, знала, какими тяжелыми выдались последние несколько лет.

– И все-таки жаль, – сказала сестра.

– Чего тебе жаль?

– Колин, конечно, сегодня был страшно занят, но ты так и не поблагодарила его за колесо. Пускай ты не желаешь с ним разговаривать, но он в тот вечер поступил как настоящий мужчина. И ты могла бы ему это сказать.

Мария не проронила ни слова, но, шагая вслед за Сереной к лестнице, она подумала, что сестра, как обычно, попала в точку.

Стив был славный – такой типичный во всем богатенький студент, вплоть до клетчатых шортов и голубой рубашки в тон мокасинам. Он держался очень любезно, хотя сразу стало понятно, что Стив интересуется Сереной гораздо сильнее, чем она им, потому что большую часть времени она болтала с Мелиссой. Хотя Мария и упрекнула сестру за это, когда направилась к машине, но тем не менее позавидовала той

легкости, с которой жила Серена.

Но опять-таки, разве двадцатилетней студентке может быть трудно жить? Колледж – это мыльный пузырь, который оберегает от реальных проблем. Обилие свободного времени, друзья, которые живут в одной комнате с тобой или за соседней дверью, ошеломляющий оптимизм в отношении будущего, не ведающий разочарований. В колледже все думают, что их жизнь обернется именно так, как они планируют, и будет перетекать от одного приятного события к другому, вереницей беззаботных трехдневных выходных.

Мария задумалась. Да, у людей вроде Серены все обстоит именно так. Собственная жизнь Марии была иной, потому что она относилась к учебе серьезнее, чем большинство студентов, – она слишком много волновалась. Теперь девушка понимала, что, наверное, потратила чересчур много времени, зубря и тревожась из-за экзаменов. Она писала контрольные до рассвета и перечитывала их снова и снова, доводя каждую до совершенства. Тогда учеба казалась самым важным на свете, но в последнее время Мария начала задумываться, отчего она относилась к ней настолько серьезно. Билл Гейтс, Стив Джобс, Майкл Делл и Марк Цукерберг даже не окончили колледж и все равно преуспели, не так ли? Они интуитивно пришли к выводу, что миру наплевать на оценки и даже на наличие диплома, во всяком случае в долгой перспективе, особенно по сравнению с такими качествами, как изобретательность и упорство. Разумеется, высокие

баллы помогли Марии найти работу в прокуратуре, но разве с тех пор они кого-то волновали? Когда Марию приняли в фирму Барни, работодателей интересовал только опыт. Первые двадцать четыре года ее жизни никого не заботили. Разговоры Барни шли только о нынешних результатах, а интересы Кена лежали вообще в другой плоскости.

Мысленно копаясь в прошлом, Мария пожалела, что не устроила себе годовую передышку после выпуска и не отправилась с рюкзаком по Европе, ну, или не устроилась в какую-нибудь благотворительную организацию. Честно говоря, не важно, чем бы она занялась, лишь бы это было что-нибудь интересное... но Мария так спешила стать взрослой, что подобные мысли даже не приходили ей в голову. Она, конечно, иногда задумывалась, что не живет по-настоящему, и порой жалела о принятых решениях. Но разве она не была слишком молода для таких сожалений? Разочарование – удел людей среднего возраста. И, честное слово, мама с папой ни о чем не жалели, а ведь они уже его достигли. Тем временем и Серена вела себя так, словно ее ничто в жизни не напрягало. Так в чем же Мария ошиблась?

Она списала свою меланхолию на пина-коладу, эффект которой еще не чувствовался. Решив немного проветриться, прежде чем садиться за руль, Мария посмотрела в сторону пирса и подумала: «Почему бы нет?» Сгущались сумерки, но до темноты оставался еще примерно час.

Она развернулась и зашагала к пирсу, наблюдая, как то

тут, то там отдыхающие начали собираться и уходить с пляжа. Обожженные солнцем дети, усталые и хнычущие, тащились за родителями, тоже обгоревшими и измученными, нагруженными досками для серфинга, зонтиками, переносными холодильниками и полотенцами.

На пляже Мария сняла сандалии, гадая, встретит ли она кого-нибудь из бывших одноклассников и узнают ли они ее, но девушка никого из знакомых не увидела. Она зашагала по песку и, добравшись до пирса, поднялась по ступенькам, как раз когда солнце начало медленно клониться к закату. Сквозь щели между досками было видно, как к берегу все ближе подходила вода, а затем стали накатывать волны. По обе стороны пирса по-прежнему катались серфингисты. Восхищаясь их отточенными движениями, Мария миновала стоявших у перил рыбаков, мужчин и женщин, молодых и старых, одинаково погруженных в собственные мысли. Она вспомнила, как в детстве мальчик, который ей нравился, однажды уговорил ее порыбачить. Стояла нестерпимая жара, и забрасывать удочку оказалось сложнее, чем она думала. В конце концов они ушли с пирса с пустыми руками, и Мария поняла, что мальчик привлекал ее гораздо сильнее рыбалки.

Толпа редела, по мере того как Мария удалялась, достигнув конца пирса, она обнаружила там одного-единственного рыбака, который сидел спиной к ней. На нем были полинявшие джинсы и бейсболка, но хватило даже беглого взгляда, чтобы отметить крепкое сложение. Отогнав неуместную

мысль, Мария обратила взгляд к горизонту и луне, которая словно поднималась из воды. Вдали проплыл катамаран, и Мария лениво задумалась – может быть, Серена однажды составит ей компанию на заливе.

– Вы следите за мной? – раздался мужской голос.

Мария повернулась и не сразу поняла, что рыбак в бейсболке – это Колин. Девушка покраснела. Неужели Серена и тут постаралась? Нет, Мария пришла сюда по собственному желанию. Серена ни слова не сказала про Колина и про пирс... значит, это совпадение, как и в тот вечер, когда он остановился и поменял ей колесо. Каковы были шансы увидеть его здесь? Ничтожные, и все же... они встретились – и Колин явно ждал ответа.

– Нет, – с трудом выговорила Мария. – Я за вами не слежу. Я просто хотела полюбоваться видом.

Он как будто взвешивал ее слова.

– И?

– Что?

– Как вам вид?

Смущенная, она задумалась, прежде чем ответить:

– Очень красиво.

– Лучше, чем из ресторана?

– Совершенно другой. Здесь мирно и тихо.

– Я тоже так думаю. Вот почему я здесь.

– Но вы же ловите рыбу...

– Да как сказать... – ответил Колин. – Я, как и вы, в

первую очередь пришел, чтобы полюбоваться видом.

Улыбнувшись, он облокотился на перила.

– Я не хотел вас беспокоить, – заверил он. – Наслаждайтесь закатом, Мария.

Отчего-то ее имя прозвучало здесь гораздо интимнее, чем в баре. Мария принялась рассеянно наблюдать, как Колин сматывал леску. Он снова забросил удочку, довольно далеко, и девушка задумалась, уйти ей или остаться. Он, казалось, спокойно потеснился ради нее, как и в тот вечер, когда они впервые встретились. И это кое-что напомнило Марии...

– Колин.

Он повернулся.

– Что?

– Я хотела поблагодарить вас за помощь с колесом. Вы меня буквально спасли.

– Не стоит благодарности, – ответил он с улыбкой. – Я рад, что сегодня вы заглянули в ресторан.

– Это была затея Серены.

– Не сомневаюсь. Вы, кажется, не очень обрадовались, увидев меня.

– Нет, просто я... удивилась.

– Я тоже.

Мария почувствовала, что Колин задержал взгляд на ней, прежде чем отвернулся. Она сама не знала, что ответить, и некоторое время оба просто молча стояли. Колин, казалось, был совершенно спокоен и доволен. Мария пыталась вновь

погрузиться в созерцание прекрасного вида. По темнеющим водам вдалеке проплыла рыбацкая лодка, за спиной горели огни «Дерзкого Пита». Из какого-то ресторана слышались тихие звуки классического рока, возвещая о начале вечернего веселья.

Краем глаза Мария наблюдала за Колином, пытаясь понять, в чем его отличие от других парней. По опыту девушки, ее ровесники делились на пять категорий: высокомерные типы, которые считали себя высшими существами; дружелюбные парни, за которых стоило держаться, но которых, впрочем, зачастую совсем не интересовали серьезные отношения; скромники, которые едва могли выдать пару слов; мужчины, которых она совсем не привлекала, по той или иной причине; и, наконец, самые лучшие парни, которые всегда оказывались заняты. Колин не походил на представителей первой категории, но, судя по тому, что Мария видела в баре, во вторую и третью он тоже не попадал. Очевидно, он относился к четвертой или пятой. Она его не интересовала... но все-таки в глубине души Мария надеялась, что ошибалась. Возможно, Колин относился к пятому типу, но, к сожалению, Мария сама пресекала предыдущие попытки завязать разговор, а потому, вероятно, молчание Колина было реакцией на кажущееся безразличие девушки.

После того как он поменял ей колесо. После того как обходителен был с ней в баре. После того как Серена заверила сестру, что Колин – славный парень. После того как он сам

несколько минут назад попытался заговорить. Мария поникла. Неудивительно, что она проводит выходные в одиночестве.

– Колин, – вновь позвала она.

Тот по-прежнему стоял, опираясь на перила. Когда он обернулся, Мария заметила на его лице удивление, которое уже видела в баре.

– Да?

– Можно кое о чем спросить?

– Да, – ответил молодой человек.

Его серо-синие глаза сверкали, как найденное в море стеклышко.

– Почему вам нравится рыбалка?

Колин поднял руку и сдвинул бейсболку на затылок.

– На самом деле не особо нравится. И я плохой рыбак. Мне редко удается что-то поймать.

Говорил он мягко и отчетливо.

– Тогда зачем вы это делаете?

– Это хороший способ расслабиться, особенно когда много работы. Так приятно немного побыть одному. Я прихожу сюда, здесь тихо, и на некоторое время весь мир замирает. Я начал брать с собой удочку, чтобы чем-то заняться, а не просто стоять и глазеть на горизонт.

– Как я?

– Именно. Хотите подержать удочку?

Мария негромко рассмеялась, а Колин продолжил:

– И потом, кажется, окружающие немного напрягаются, когда я стою здесь и о чем-то думаю. Как будто я замышляю что-то нехорошее. Несколько дней назад, когда у меня еще не сошли синяки, я бы их попросту перепугал.

– Значит, вы созерцатель.

– Сомневаюсь. А вот вы похожи на человека, который любит размышлять. О своей жизни. О целях. О мечтах.

Мария покраснела. У нее словно язык отнялся. Она невольно согласилась с Сереной: Колин действительно был... классный. Она прогнала эту мысль, не желая переходить опасную черту.

– Вы не против? – спросил он, указывая на место рядом с ней, а потом наклонился и взял коробку с наживкой. – С этого места мне ничего не удастся поймать.

Его слова застали девушку врасплох.

– А... да, конечно. Но если вы не очень удачливый рыбак, сомневаюсь, что на этом месте вам повезет.

– Скорее всего, так и есть, – согласился он, подходя.

Колин поставил коробку под ноги, соблюдая дистанцию между собой и Марией.

– Зато не придется говорить громко.

В отличие от нее, он был совершенно спокоен. Колин забросил наживку на новое место и, подавшись вперед, слегка подергал леску.

– Ваша сестра очень необычна, – сказал он спустя несколько секунд.

– То есть?

– Наше знакомство началось со слов: «Эй ты, парень с разбитым лицом!»

Мария улыбнулась, подумав, что это очень похоже на Серену.

– Да уж, она такая.

– Скорее, подруга, чем сестра, да?

– Это она вам сказала?

– Нет, я сам понял, когда вы сидели в баре. Нетрудно догадаться, что вы очень близки.

– Да, – признала Мария. – А у вас есть братья или сестры?

– Две старших сестры.

– Вы общаетесь?

– Не так, как вы с Сереной, – ответил Колин, подергивая леску. – Я люблю их, но наши жизненные пути разошлись.

– В смысле?

– Мы редко видимся. Раз в два месяца примерно. В последнее время мы стали общаться чаще.

– Да, не очень радужно...

– Уж как есть.

По тону его голоса стало ясно, что обсуждать эту тему дальше он не хочет.

– Серена сказала, что вы в одной группе? – спросила Мария, попытавшись сменить направление беседы.

Он кивнул.

– Она перехватила меня по пути в библиотеку. Видимо,

вы рассказали ей, как я выглядел в тот вечер, и в ее мыслях все сошлось. Неудивительно, учитывая разбитое лицо.

– Ну, все было не так страшно... я даже не особо об этом думала.

Колин повел бровью, и Мария пожала плечами.

– Ладно, ладно, я, наверное, и правда немного испугалась, когда вы вышли из машины.

– Логично. Было поздно, и вы застряли черт знает где. Собственно, поэтому я и остановился. Во-первых.

– А во-вторых?

– Вы девушка.

– Думаете, ни одна девушка не в состоянии сменить колесо?

– Нет. Но моим сестрам и матери точно понадобилась бы помощь. И мне показалось, что вам не очень-то весело.

Она кивнула:

– Спасибо.

– Вы уже поблагодарили.

– Да, но почему бы не сказать еще раз.

– О'кей.

– «О'кей»? – уточнила Мария с улыбкой.

– Я всегда это говорю, когда кто-то констатирует факт, вместо того чтобы задать вопрос.

Мария наморщила лоб.

– Да, наверное, вы правы.

– О'кей, – повторил Колин, и она невольно рассмеялась и

наконец немного расслабилась.

– Вам нравится работать в баре? – спросила Мария.

– Да, вполне, – ответил Колин. – Денег на жизнь хватает, график я могу выбирать сам, и чаевые неплохие. Но, надеюсь, мне не придется стоять за стойкой всю жизнь. Я мечтаю о другом.

– Серена сказала, вы хотите стать учителем.

– Да, – подтвердил он. – Кстати, а где она?

– Развлекается с друзьями. Сначала они походят по барам и послушают музыку, а потом, наверное, пойдут в клуб на вечеринку.

– А почему вы не с ними?

– Я немного старовата для студенческих вечеринок, вы так не думаете?

– Не знаю. Сколько вам лет?

– Двадцать восемь.

– Мне тоже двадцать восемь, и я еще учусь.

«Да, – подумала Мария, – я в курсе».

– Значит, вы ходите на студенческие вечеринки?

– Нет, – ответил Колин, – но не потому, что считаю себя слишком старым. Я в принципе не хожу на вечеринки. И в бары.

– Но вы работаете в баре.

– Это другое.

– Почему?

– Потому что там я занят делом. И в любом случае

«Пит» – не из тех баров, где можно впутаться в неприятности. Это почти ресторан.

– А вы часто впутываетесь в неприятности в барах?

– Да, раньше бывало, – признался он. – Но не сейчас.

– Но вы же сказали, что не ходите по барам.

– Именно потому я и не попадаю в переделки.

– А клубы?

Колин пожал плечами:

– Зависит от того, что за клуб, и от компании. Но обычно я в клубы не хожу. Только изредка.

– Потому что вы и там впутываетесь в неприятности?

– В прошлом – да.

Она задумалась над его словами, а потом опять посмотрела на небо. В нем сияла луна, и оно начинало медленно чернеть. Колин наблюдал за Марией. Оба помолчали.

– А... какого рода неприятности? – наконец спросила девушка.

Он приподнял удочку и подергал леску, прежде чем ответить.

– Драки.

Сначала Мария решила, что ослышалась.

– Вы часто устраивали драки в барах?

– Несколько лет назад я постоянно это делал.

– А зачем?

– Ну, парни обычно ходят в бар по четырем причинам – чтобы выпить, потусить с друзьями, подцепить девушку или

подраться. Я совмещал все причины.

– Вам самому хотелось подраться?

– Да, как правило.

– И сколько раз это с вами случилось?

– Не совсем понимаю...

– Сколько раз вы влезали в драки?

– Честное слово, не помню. Наверное, больше ста.

Мария моргнула:

– Вы сто раз дрались?

– Ну да.

Она просто растерялась с ответом...

– Зачем вы об этом говорите?

– Потому что вы спросили.

– А вы отвечаете на все вопросы, которые вам задают?

– Нет.

– Но вы решили, что вполне нормально будет рассказать мне об этом?

– Да.

– Почему?

– Я так понимаю, вы юрист?

Мария сделала резкий вдох, смущенная внезапной сме-
ной темы.

– Это вам Серена сказала?

– Нет.

– Тогда откуда вы знаете, что я юрист?

– Ниоткуда. Просто вы задаете много вопросов. Так себя

ведут большинство юристов.

– Учитывая ваше прошлое, у вас, наверное, большой опыт общения с ними?

– О да.

– До сих пор не верится, что вы вот так взяли и рассказали мне про это.

– А почему бы и нет?

– Когда люди знакомятся, обычно они помалкивают о своем участии в пьяных драках.

– О'кей. Но я же сказал, что больше не дерусь.

– А в тот вечер?

– Я возвращался с матча в Ассоциации смешанных единоборств. Это совсем не то...

– То есть вы все-таки деретесь?

– Я занимаюсь спортом. Это как бокс или тхэквондо.

Мария взглянула на него, прищурившись.

– Бои в клетке? Без правил?

– И да и нет, – ответил Колин. – Правила есть. И их много.

Хотя поединки бывают жестокими.

– Вам нравится жестокость?

– Мне полезно выплеснуть агрессию.

– Зачем? Чтобы не влипнуть в неприятности?

– В том числе.

Он улыбнулся, и впервые за долгое время Мария поняла, что не в силах подобрать слова.

Глава 5

Колин

Колин уже сталкивался с такой реакцией, как у Марии, и знал, что девушка пребывает в смятении. Обычно люди реагировали негативно, когда он рассказывал о прошлом. Хотя Колин и перестал казнить себя за прежние ошибки, он ими отнюдь не гордился. Он знал, кто он такой, свои недостатки и принимал себя таким, какой есть. Решение было за Марией.

Колин знал, что Эван не одобрил бы такую манеру отвечать на вопросы, но тот не понимал, что скрывать истину бесполезно. Люди одновременно любопытны и осторожны. Колин понимал, что, стоило ввести в строку поиска его имя, как обнаружилась бы пачка газетных статей – и ни одного безобидного упоминания. Если бы он с самого начала не выложил всю правду, Мария или Серена добрались бы до нее при помощи «Гугла», точно так же как Виктория.

Они с Викторией познакомились в спортзале пару лет назад и несколько месяцев общались, потом начали ходить на тренировки вместе. Колину казалось, что они неплохо ладили, с Викторией было приятно тренироваться... пока она внезапно не начала его избегать. Перестала отвечать на сообщения и звонки и стала ходить в спортзал утром, а не вечером. Когда Колин наконец спросил напрямую, девушка от-

ветила, что узнала о его прошлом, и потребовала прекратить навязчивые попытки продолжить общение. Никакие оправдания ее не интересовали, да Колин их и не предлагал; но ему было интересно, отчего она вообще взялась за поиски в Интернете. Они ведь не ходили на свидания. Он сомневался, достигли ли они хотя бы стадии дружеских отношений. Через месяц Виктория вообще перестала появляться в зале, и больше он ее не видел.

Не только Виктория начала избегать Колина, узнав правду. Хотя Эван подшучивал над Колином, что тот выкладывает все о себе любому, кто спросит, все было совсем не так. С точки зрения Колина, это никого не касалось, и в общении с кем бы то ни было о себе он умалчивал, пока этот кто-то не становился частью его жизни – ну или имел шансы ею стать. Хотя еще рано было включать Марию в эту категорию, но с Сереной он вместе учился, и она сама заговорила с ним однажды, а значит, могла заговорить и еще раз. Колин признал, что Мария его заинтересовала. Во-первых, внешностью, конечно – такая же темноглазая и темноволосая, как Серена, она была даже красивее сестры, – однако в баре он заметил, что Мария совсем не тщеславна. Хотя девушка привлекала многочисленные взгляды мужчин, она этого словно не признавала, что было редкостью. Но оценил Колин не только внешность. Во-вторых, в отличие от Серены – энергичной, болтливой и не вполне в его вкусе – Мария показалась ему сдержанной, задумчивой и, несомненно, умной.

И что теперь? Колин смотрел на Марию, стоящую перед выбором: остаться ей или уйти, продолжить разговор или попрощаться. Он ничего не говорил, предоставив девушке возможность принять решение самой. Он отвлеченно наслаждался прохладой ветра и плеском волн. Посмотрев на пирс, он заметил, что большинство рыбаков разошлись, а те, кто еще оставался, уже собирали вещи и улов.

Мария перегнулась чуть дальше через перила. Ее лицо казалось загадочным и непостижимым. Девушка глубоко вздохнула.

– В том числе – что еще? – наконец спросила она.

Колин мысленно улыбнулся:

– Хотя мне нравятся физические нагрузки, иногда я бываю просто не в настроении. Но мысль о том, что впереди матч и к нему нужно готовиться, заставляет меня встать с дивана и пойти в спортзал.

– Каждый день?

Он кивнул:

– Обычно в два или три подхода. Тренировка занимает много времени.

– И что вы там делаете?

– Всё, – ответил Колин, пожав плечами. – В основном отрабатываю удары и захваты, потом чередую их. Я занимаюсь тяжелой атлетикой, йогой, каякингом, плайометрией, езжу на велосипеде, работаю на тренажерах, бегаю, лазаю по канату и по шведской стенке, подтягиваюсь и отжимаюсь, ну и

так далее. Чем угодно, лишь бы хорошенько попотеть.

– Вы занимаетесь йогой?

– Она полезна не только для растяжки и равновесия, но и для психики. Йога сродни медитации, – сказал Колин, кивком указав на воду, которая горела алым и золотым в последних лучах солнца. – Все равно что прогуляться сюда после смены в баре.

Мария, прищурившись, взглянула на него.

– Вы не похожи на любителя йоги. Люди, которые занимаются йогой...

Он договорил:

– Худые? Бородатые? Любят благовония и четки?

Мария рассмеялась:

– Я хотела сказать, что обычно они не склонны к насилию.

– Я тоже не склонен. Теперь не склонен. Конечно, во время поединка можно навредить противнику, но я причиняю ему боль ненамеренно. Мне просто хочется победить.

– А разве одно не связано с другим?

– Необязательно. Если взять противника в правильный захват, он сдастся и покинет клетку целым и невредимым.

Девушка покрутила браслет на запястье.

– Это страшно? Драться в клетке.

– Если тебе страшно, вообще не надо выходить на ринг. Лично я ощущаю выброс адреналина. Главное – держать его под контролем.

Он начал сматывать леску.

– Я так понимаю, у вас неплохо получается.

– Да, для любителя, но я надеюсь пробиться в профессионалы. Некоторые ребята в нашем зале – бойцы уровня Национальной атлетической ассоциации и олимпийские боксеры. Они не в моей лиге. Ну что поделаешь. Я не то чтобы всерьез мечтаю стать профи – просто это то, чем можно заниматься, пока я учусь. Когда придет время, я брошу.

Вместо того чтобы забросить удочку, он прикрепил блесну и подтянул леску.

– И потом, работа в школе и бои без правил не очень сочетаются. Я, наверное, напугаю малышей так же, как напугал вас.

– Малышей?

– Я хочу работать в начальных классах, – сказал Колин и наклонился за ящиком с наживкой. – Темнеет. Пойдемте обратно? Или вы хотите еще здесь постоять?

– Пойдемте, – ответила Мария.

Колин положил удочку на плечо, и Мария взглянула на ярко освещенные рестораны. В дверях стояли очереди, в воздухе проносились обрывки музыки.

– А здесь становится людно.

– Вот почему я работаю в дневную смену. Вечером на крыше настоящий зоопарк.

– Зато много чаевых.

– Минусы перевешивают. Слишком много знакомых из колледжа.

Мария рассмеялась – тепло и мелодично. Они зашагали по ступенькам с пирса, и никому не хотелось спешить. В надвигающихся сумерках Мария была особенно привлекательной. Глядя на ее легкую улыбку, Колин гадал, о чем девушка думала.

– Вы всегда жили здесь? – спросил он, прерывая молчание.

– Я здесь выросла, потом уехала и вернулась в прошлом декабре, – сказала Мария. – Колледж, юридическая школа, работа в Шарлотте... меня не было почти десять лет. А вы ведь не отсюда?

– Я из Роли, – ответил Колин. – В детстве я проводил тут лето и после школы иногда приезжал на месяц-другой. Три года назад я переехал сюда.

– Может быть, мы когда-то пересекались. Я училась в университете Северной Каролины, потом в Дьюке.

– Если даже пересекались, я сомневаюсь, что мы вращались в одном кругу.

Мария улыбнулась:

– Значит, вы приехали сюда, чтобы поступить в колледж?

– Не только. Колледж появился потом. Я приехал, потому что родители выгнали меня из дома, и я не знал, куда податься. Тут живет мой друг Эван, и я снял у него комнату.

– Родители вас выгнали?!

Он кивнул:

– Я нуждался в шоковой терапии. И они привели меня в

чувство.

– О, – Мария старалась не выдавать своего волнения.

– Я их не виню, – продолжил Колин. – Я это заслужил. На их месте я поступил бы точно так же.

– Из-за драк?

– Не только, но и из-за драк тоже. Я вообще был проблемным ребенком. А после школы стал проблемным взрослым. – Он взглянул на Марию: – А вы? Вы живете с родителями?

Она покачала головой:

– Снимаю квартиру на Маркет-стрит. Я люблю родителей, но ни за что не смогла бы жить с ними постоянно.

– Чем они занимаются?

– Держат ресторан «Семейная кухня». Здесь, в городе.

– Я о нем слышал, но никогда там не бывал.

– Обязательно сходите. Там подают настоящие мексиканские блюда – мама до сих пор готовит сама. У нас всегда много народу.

– Если я скажу, что знаком с вами, мне сделают скидку?

– А она вам нужна?

– Нет, просто я хочу понять, как далеко зашло наше общение.

– Я подумаю. Наверное, смогу это устроить...

К тому времени они уже миновали полосу песка и направлялись к лестнице. Колин шел вторым и наблюдал, как Мария грациозно поднималась по ступенькам.

– Давайте я провожу вас до машины, – предложил он, перехватив взгляд девушки.

– Не стоит беспокоиться, – произнесла Мария. – Она недалеко.

Он переложил удочку на другое плечо. Колину не хотелось, чтобы вечер заканчивался.

– Раз Серена пошла развлекаться с друзьями, какие у вас планы на вечер?

– В общем, никаких, а что?

– Хотите послушать музыку? Раз уж мы здесь, и еще не очень поздно.

Его вопрос, казалось, застал девушку врасплох, и сначала Колин даже подумал, что она откажется. Мария поправила сумочку на плече, затеребила ремень. Ожидая ответа, Колин вновь подумал, как она красива, с длинными темными ресницами, оттенявшими задумчивые глаза.

– Я думала, вы не ходите в бары.

– Не хожу. Но мы можем погулять по набережной и послушать музыку, не заходя внутрь.

– Здесь хорошая музыка?

– Понятия не имею.

На лице Марии отразилась неуверенность... а потом она внезапно уступила.

– Хорошо. Но только не допоздна. Пройдемся в одну сторону, ладно? Не хочу оказаться в толпе.

Он улыбнулся, почувствовав, как внутри у него что-то ше-

лохнулось, и взял под мышку ящик с наживкой.

– Я только занесу эту штуку, ладно? Не хочу таскать ее с собой.

Они вернулись к ресторану, и Колин сложил вещи в комнату для персонала. Потом они отправились на пляж. Начали появляться звезды, похожие на бриллиантовые гвоздики на бархатном ночном небе. Волны продолжали мерно шуметь, теплый ветерок напоминал тихое дыхание. Шагая рядом с Марией, Колин вдруг понял, что она достаточно близко, чтобы прикоснуться к ней. Он тут же отогнал эту мысль.

– А чем конкретно вы занимаетесь?

– В основном дела, связанные со страховкой. Наведение справок, снятие показаний, переговоры и, наконец, судебный процесс.

– Вы выступаете на стороне страховой компании?

– Как правило, да. Иногда мы на стороне истца, но реже.

– И много у вас работы?

Мария кивнула:

– Очень много. Есть масса правил страхования, и, хотя они предусматривают множество вариантов, всегда остаются пробелы. Например, кто-нибудь поскользнулся в магазине и подает в суд. Или сотрудник судится с боссом после увольнения. Или вы устроили вечеринку для сына, и один из его друзей поранился в бассейне. Страховая компания должна заплатить, но иногда она решает опротестовать претензию. Тогда мы и беремся за дело. Потому что у противоположной

стороны обязательно находятся адвокаты.

– Вы даже в суде выступаете?

– Пока нет. Не здесь, во всяком случае. Я еще учусь. Выступает мой босс, но, честно говоря, большинство дел удаётся уладить, не доводя до суда. В конце концов, это дешевле, и для всех заинтересованных лиц меньше проблем.

– Вы наверняка знаете много судебных анекдотов.

– Нет, не очень. А что? Вы знаете?

– Почему змеи не кусают адвокатов? – поинтересовался Колин и, когда Мария пожала плечами, сам ответил: – Профессиональная этика.

– Ха-ха.

– Шучу. Я как никто способен распознать хорошего юриста. У меня были замечательные адвокаты.

– Вы в них нуждались?

– Да, – ответил Колин.

Он понимал, что это вызовет еще больше вопросов, однако продолжил, кивком указав на океан:

– Я люблю гулять по пляжу вечером.

– Почему?

– Вечером здесь совсем не так, как днем, особенно при свете луны. Мне нравится думать, что где-то там, прямо под поверхностью, что-то есть, что-то загадочное.

– Жутковатая мысль.

– Поэтому мы на берегу, а не в море.

Мария улыбнулась. Гуляя по пляжу, она ощущала удиви-

тельную легкость. Воцарилось сладостное молчание. Колин радовался теплему ветерку, обдувавшему лицо. Глядя, как волосы Марии струились по ветру, он понял, что наслаждается этой прогулкой. Он вдруг вспомнил, что они посторонние люди, но ощущения почему-то были совсем другие.

– У меня есть один вопрос, но он, возможно, слишком личный, – наконец сказала Мария.

– Спрашивайте, – разрешил Колин, догадываясь, какого характера последует вопрос.

– Вы сказали, что у вас были неприятности из-за драк. И что общались с адвокатами.

– Да.

– Это потому что вас арестовывали?

Он поправил кепку.

– Ну да.

– Больше одного раза?

– О да, – сказал Колин. – Некогда я был на «ты» с большинством копов в Роли и Уилмингтоне.

– Вас судили?

– Несколько раз.

– И вы сидели в тюрьме?

– Нет. Хотя в сумме провел около года в окружной каталожке. По месяцу, по два. До настоящей тюрьмы так и не дошло. Могло бы – последняя драка была серьезной, – но я взял тайм-аут, и вот я здесь.

Мария слегка опустила голову, раздумывая, разумно ли

было пойти с ним гулять.

– Вы сказали, что взяли тайм-аут...

Колин сделал несколько шагов, прежде чем ответить.

– Последние три года я отбываю условное наказание, осталось еще два. Общий срок пять. Если за эти два года я ни разу не впутаюсь в неприятности, мое досье полностью очистят. Значит, я смогу преподавать. Для меня это очень важно. Родители будут против того, чтобы их детей учил преступник. Но если я куда-нибудь ввяжусь, условному сроку придет конец и я отправлюсь прямиком в тюрьму.

– Разве можно полностью очистить полицейское досье?

– Мне поставили диагноз – посттравматический стресс и агрессивный невроз, который влияет на мое поведение. Вы знаете, что это такое, да?

– Другими словами, вы хотите сказать, что не контролируете себя.

Колин пожал плечами:

– Не я. Так сказали психиатры, и, к счастью, есть документы, которые это подтверждают. Я почти пятнадцать лет лечился и до сих пор время от времени пью таблетки. По условиям мне пришлось провести несколько месяцев в психиатрической клинике в Аризоне, которая специализировалась на проблемах с самоконтролем.

– И... когда вы вернулись в Роли, родители выгнали вас из дома?

– Да, – ответил Колин. – Но все вкупе – драка, угроза тю-

ремного заключения, условный срок, лечение в клинике, ну и, наконец, вынужденная необходимость жить самостоятельно – все это заставило меня серьезно задуматься, и я понял, что устал от такой жизни. Устал от самого себя. Я не хотел быть человеком, про которого знают только то, что он бьет лежащего ногой по голове. Я хотел стать тем, на кого можно положиться. Ну или, по крайней мере, тем, у кого есть какое-то будущее. Поэтому я перестал ходить по клубам и максимум энергии направил на тренировки, учебу и работу.

– И все?

– Ну, это не так просто, как может показаться, но... да. Все.

– Люди редко меняются.

– У меня не было выбора.

– Но...

– Поймите, я не ищу оправданий тому, что натворил. Не важно, что говорили врачи насчет моей способности контролировать собственное поведение, – я знал, что у меня проблемы, но не пытался что-то исправить. Я курил травку, пил, громил родительский дом, портил машины, снова и снова попадал под арест за драки. Долгое время меня интересовали лишь развлечения и больше ничего.

– А теперь что-то изменилось?

– Да. И я совершенно не хочу возвращаться к прежней жизни.

Он почувствовал на себе взгляд Марии. Она явно пыта-

лась сопоставить картинки прошлого с человеком, который стоял перед ней.

– Насчет самоконтроля я понимаю... но посттравматический стресс?

– Да.

– Что произошло?

– Вы правда хотите знать? Это долгая история.

Она кивнула, и Колин принялся за рассказ:

– Я уже говорил, что рос проблемным ребенком. К одиннадцати годам я стал почти неуправляем. В конце концов родители отправили меня в военную школу. Первая, в которую я попал, была довольно скверным местом. Ученики старших классов частенько вели себя как герои «Повелителя мух», особенно когда появлялись новенькие. Сначала – по мелочи, типичная проверка на вшивость. Типа, отнять в столовой молоко и десерт или заставить чистить себе ботинки и застилать постели, в то время как кто-нибудь устраивал бардак в моей комнате, и нужно было срочно убираться, пока не пришли дежурные. Ничего страшного, все новички через это проходят. Но некоторые ребята были настоящими садистами. Они стегали меня мокрыми полотенцами в душе, ну или подкрадывались сзади, когда я делал уроки, накрывали одеялом и избивали. Потом они начали являться по ночам, когда я спал. Тогда я был мелковат для своих лет и принимался плакать, что только подзадоривало обидчиков. Я как будто стал их особой целью. Два-три раза в неделю они при-

ходили ко мне с одеялом и с кулаками наготове – били, при этом говоря, что к концу года я буду трупом. Я страшно боялся, все время был настороже. Я пытался не спать по ночам и вздрагивал при каждом звуке, но вечно бодрствовать не получалось. Они караулили и выжидали, пока я засну. И так продолжалось несколько месяцев. До сих пор в кошмарах вижу.

– Вы кому-нибудь рассказывали?

– Конечно. Я всем говорил. Командиру, учителям, школьному психологу, даже родителям. И никто не поверил. Старшие требовали, чтобы я перестал врать и хныкать.

– Какой ужас.

– Я был еще мальчишкой, но спустя некоторое время понял, что надо вырваться оттуда, иначе в один прекрасный день они зайдут слишком далеко. Тогда я взял все в свои руки. Я украдкой протащил в школу баллончик с краской и разрисовал административный корпус. Меня выгнали. Именно этого я и добивался. – Он вздохнул: – Школу все равно закрыли через пару лет, когда местная газета напечатала разоблачительную статью. Там погиб ребенок. Маленький мальчик, моих лет. Меня в статье не упоминали, но некоторое время в новостях только об этом и говорили. Посыпались уголовные и гражданские обвинения, ну и так далее. В итоге несколько человек оказались за решеткой. Родители страшно переживали, что не поверили мне. Наверное, поэтому они так долго терпели мои выходки, после того как

я окончил школу. Они чувствовали себя виноватыми.

– А после того как вас выгнали...

– Я отправился в другую военную школу и поклялся, что больше травить себя не позволю. Я решил, что отныне стану бить первым. И я научился драться. Я много и старательно тренировался. И даже после, когда кто-нибудь ко мне прикасался, я просто... слетал с катушек. Как в детстве. Меня отовсюду выгоняли, я едва закончил школу. Моя жизнь была сплошным хаосом.

Колин сделал несколько шагов молча.

– В общем, это всплыло на суде.

– И как вы теперь общаетесь с родителями?

– Как и с сестрами. Стараюсь наладить контакт. Сейчас мне официально запрещено у них бывать.

На лице Марии отразилось потрясение, а Колин продолжил:

– Я поругался с родителями накануне отъезда в Аризону и ударил отца об стену. Я сто раз повторил, что сделал это не нарочно – я просто хотел, чтобы они меня выслушали, – но старики жутко испугались. Они не стали подавать в суд, иначе я бы тут сейчас не стоял, но все-таки потребовали официального запрета. Не факт, что они пустят его в ход, но тем не менее он существует – наверное, для того, чтобы я не вздумал однажды снова к ним переехать.

Мария внимательно посмотрела на Колина:

– И все-таки я не понимаю, как можно сразу... взять и

измениться. А если вы опять вспылите?

– Все люди способны вспылить. Но я теперь знаю много способов справляться с гневом. Например, не ходить в бары и не употреблять наркотики. Когда мы тусуемся с друзьями, я выпиваю не больше двух банок пива. Физическая нагрузка каждый день, много тренировок, преодоление себя – это тоже помогает контролировать психическое состояние. Еще я в клинике научился разным полезным методам. Разным способам, как совладать с собой. В итоге этот опыт оказался лучшим, что было в моей жизни.

– И чему вы там научились?

– Глубоко дышать, отходить в сторону, отгонять неприятные мысли, точно давать определение чувству, которое меня охватило, чтобы его контролировать... нелегко, но со временем входит в привычку. Нужно прикладывать массу волевых усилий, но если я не буду стараться, то, скорее всего, снова придется принимать литий, а я его терпеть не могу. Для многих это самое подходящее лекарство, и оно помогает, но я от лития совсем перестаю соображать. Как будто что-то во мне умирает. И постоянно хочу есть, вне зависимости от того, сколько съел. Когда я принимал литий, то поправился, даже растолстел. Лучше уж я буду тренироваться по несколько часов в день, заниматься йогой, медитировать и избегать мест, где можно ввязаться в неприятности.

– Помогает?

– Вроде да, – отвечал Колин. – Главное, не загадывать.

Они шли по пляжу, и музыка постепенно растворялась в шуме волн, накатывавшихся на берег. За дюнами рестораны и кафе сменились жилыми домами. В окнах горел свет. Луна поднялась выше, заливая землю мистическим сиянием. Повсюду сновали крабы, которые разбегались от неспешно приближавшихся людей.

– Вы очень откровенны, – заметила Мария.

– Я отвечаю на ваши вопросы.

– И вы не боитесь, что я могу о вас подумать?

– Не особо.

– Вам наплевать, что другие о вас думают?

– Нет... в определенной степени. Как и всем людям. Но прежде, чем вы сделаете обо мне какой-то вывод, вы должны узнать, кто я такой на самом деле. Лучше уж я буду честен до конца и позволю вам самой решить, хотите вы и дальше со мной общаться или нет.

– И вы всегда таким были? – спросила Мария, глядя на Колина с искренним любопытством.

– В смысле?

– Искренним. До конца.

– Нет. Я стал таким, когда вышел из клиники. Это одно из изменений, которые я решил привнести в свою жизнь.

– И как люди на это реагируют?

– Большинство не знает, как меня воспринимать. Особенно поначалу. Эван до сих пор не понимает. И вы, наверное, тоже. Но все-таки мне очень важно быть честным. Особенно

но с друзьями. Ну или с людьми, с которыми я, возможно, увижусь снова.

— Поэтому вы сейчас все рассказали? Потому что думаете, что мы можем увидеться еще?

— Да, — ответил Колин.

Несколько мгновений Мария не находила слов.

— Вы интересный человек, Колин, — наконец произнесла она.

— Да, у меня интересная жизнь, — признал он. — Но вы не менее интересная.

— Поверьте, по сравнению с вами я очень скучная.

— Может быть. Но вы же пока от меня не убежали.

— Не исключаю, что еще могу это сделать. Вы опасный тип.

— Нет, что вы...

— Для такой девушки, как я? Поверьте, вы немного пугаете. Я впервые в жизни провела целый вечер с человеком, который когда-то бил людей ногой по голове и ударил о стенку собственного отца.

— И которого арестовывали. И отправляли в психиатрическую клинику.

— И это тоже.

— И?

Она убрала с лица прядь волос.

— Я еще не знаю. Пока я понятия не имею, как относиться к тому, что вы сказали. Но если я вдруг побегу, не пытайтесь меня догнать, ладно?

– Справедливо.

– Вы рассказывали это Серене?

– Нет, – ответил Колин. – Она, в отличие от вас, не спрашивала.

– А рассказали бы?

– Наверное.

– Ну конечно.

– Может быть, теперь вы сами что-нибудь расскажете?

Вам тогда будет легче?

Мария криво улыбнулась:

– Мне особо нечего рассказывать. Я уже кое-что рассказала про свою семью. Вы знаете, что я выросла здесь, потом училась в университете Северной Каролины и в Дьюке, а теперь работаю адвокатом. Мое прошлое... не такое насыщенное, как ваше.

– Ну и хорошо, – произнес он.

Уже настроившись на одну волну, они одновременно развернулись и пошли обратно.

– О'кей, – сказала Мария.

Он рассмеялся, и тут девушка остановилась и поморщилась. Взявшись за руку Колина, чтобы удержать равновесие, она подняла ногу.

– Секундочку. Эти сандалии меня прикончат.

Мария разулась. Когда она наконец выпустила руку Колина, он продолжал чувствовать тепло ее прикосновения.

– Так гораздо лучше, – улыбнулась она. – Спасибо.

Они зашагали дальше, уже медленно. На крыше «Дерзкого Пита» толпились посетители. Колин подозревал, что в других барах тожелюдно. Звезды у них над головой начали тускнеть в свете луны. В уютной тишине он поймал себя на том, что любителюлицом Марии – скулами, полными губами, ресницами, которые отбрасывали тень на безупречную кожу.

– Вы такая молчаливая, – заметил он.

– Я просто пытаюсь осмыслить то, что вы рассказали. Это очень серьезно.

– О да, – согласился Колин.

– Вы совсем другой.

– По сравнению с кем?

– Прежде чем переехать сюда, я работала помощником окружного прокурора в Шарлотте.

– Серьезно?

– Больше трех лет. Это была моя первая работа, после того как я получила диплом.

– Значит, вы больше привыкли судить таких, как я, чем общаться с ними?

Мария чуть заметно кивнула.

– Большинство людей обычно описывают себя с положительной стороны. Но вы... вы беспристрастны. Как будто говорите о другом человеке.

– Иногда мне и самому так кажется.

– Не знаю, смогла бы я... – Девушка нахмурилась: – Честное слово, не знаю, хочу ли рассказывать. Во всяком случае,

так подробно, как вы.

– Вы говорите совсем как Эван, – сказал Колин и улыбнулся: – Ну и что, вам нравилось работать в прокуратуре?

– Поначалу да. И я получила много полезного опыта. Но потом я убедилась, что все не так, как я думала.

– Например, не так то, что вы гуляете со мной.

– Ну да... Когда я училась в юридической школе, то думала, что суд – это как в фильмах. Конечно, я знала, что будет по-другому, но совсем не подозревала, насколько. Возникло ощущение, что передо мной снова и снова оказывался один и тот же человек, с одной и той же историей. Прокурор занимался делами посерьезнее, а подозреваемые, с которыми общалась я, были сплошь на одно лицо. Как правило, бедные, безработные, необразованные, обычно хорошо знакомые с алкоголем и наркотиками. И конца этому я не видела. Столько дел! Я боялась просыпаться с утра в понедельник, потому что знала, что ждет меня на работе. Я оказалась просто вынуждена расставлять приоритеты и регулярно добиваться досудебных соглашений. Мы все знаем, что убийство, покушение на убийство и преступления с применением оружия – это серьезно, но как расставить по значимости остальное? Парень, который украл машину, хуже того, который влез в чужой дом и стащил украшения? И что такое по сравнению с ними обоими секретарша, расхищавшая средства компании? Но в списке дел, назначенных к слушанию, место ограничено, да и в тюрьме тоже. Даже если ка-

кое-нибудь дело доходит до суда, то главное не то, что ты знаешь, а то, что ты можешь несомненно доказать, и тут-то все еще больше запутывается. Общество полагает, что у нас есть неограниченные возможности для обвинения преступника – продвинутые средства экспертизы, свидетели наготове и так далее, – но в реальности экспертиза ДНК может длиться месяцами, если только это не дело высшего уровня. Свидетели до ужаса бестолковы. Улики двусмысленны. И опять-таки, дел так много... даже если бы я хотела по-настоящему заняться каким-нибудь конкретным случаем, мне пришлось бы забросить остальные. Поэтому чаще всего самое разумное – договориться с обвиняемой стороной, чтобы та признала свою вину и обратилась к суду с просьбой смягчить наказание.

Мария замолчала.

– Я постоянно оказывалась в ситуации, когда от меня ожидали результатов, которых я не могла показать. В конце концов я превратилась в какую-то злодейку. С точки зрения полиции, подозреваемые совершили преступление и должны были понести наказание, тогда как для виновных это почти всегда значило тюремное заключение или иное ограничение свободы. Но так бывает далеко не всегда. В конце концов, полицейские и преступники не были удовлетворены, а мне казалось, что я подвела обе стороны. Отчасти – да. Наконец я поняла, что я – просто шестеренка в колесе гигантской разлаженной машины...

Она замедлила шаг и обхватила себя руками.

– В мире столько зла... Вы даже не представляете, с какими делами нам приходилось возиться. Женщина, которая торговала своей шестилетней дочерью, чтобы купить наркотики. Человек, изнасиловавший девятиностолетнюю старуху. Этого достаточно, чтобы утратить веру в человечность. А поскольку на тебе лежит обязанность не давать пощады самым страшным преступникам, значит, другие нарушители не понесут наказания, которого заслуживают, и окажутся на свободе. Иногда... – Мария покачала головой. – Я уже почти не могла спать, а на работе на меня накатывали жуткие приступы паники. Однажды утром я поняла, что больше не могу. Поэтому я отправилась к шефу и написала заявление. Хотя понятия не имела, куда пойду работать.

– Похоже, вы просто выгорели.

– Да.

Мария мрачно улыбнулась, и на ее лице отразились весьма противоречивые чувства.

– Ну что?

– Что?

– Хотите об этом поговорить?

– О чем?

– О том, почему вы на самом деле уволились. И что привело к приступам паники.

Удивленная Мария повернулась к нему:

– Откуда вам знать?

– А я и не знаю, – отвечал Колин. – Но если учесть, что вы проработали там некоторое время, должно было случиться что-то из ряда вон выходящее. И, наверное, связанное с каким-то конкретным делом. Так?

Она остановилась и взглянула на воду. Лунный свет оттенял черты лица девушки, отражающие грусть и чувство вины, а потом и мимолетной боли, что стало для Колина неожиданностью.

– Вы очень проницательны, – сказала Мария, закрыла глаза и несколько секунд не открывала. – Самой не верится, что я говорю с вами об этом...

Колин молчал. Они уже почти дошли до того места, с которого начали свою прогулку по пляжу. Музыка перемещивалась с шумом волн. Мария указала на дюну.

– Может быть, сядем?

– Конечно.

Положив сумочку и сандалии, она уселась на песок. Колин устроился рядом.

– Кэсси Мэннинг, – сказала Мария. – Так ее звали. Я, кажется, ни с кем об этом не говорила. Честно, не самое лучшее воспоминание...

Она говорила тихо и напряженно.

– Дело Кэсси Мэннинг досталось мне спустя три или четыре месяца после начала работы в прокуратуре. На бумаге оно выглядело довольно банальным. Кэсси встречалась с парнем, они поссорились, и парень в конце концов прибеж

к насилию. Кэсси оказалась в больнице с разбитым глазом, рассеченной губой, синяками и трещиной в скуле. Иными словами, он не просто ударил девушку, а избил. Парня звали Джеральд Лоуз. Но в итоге эта история оказалась далеко не банальной. Выяснилось, что они встречались примерно полгода, и поначалу Кэсси находила Лоуза очень обаятельным. Он внимательно ее слушал, придерживал перед ней дверь, как настоящий джентльмен, но спустя некоторое время она начала замечать за ним то, что ее встревожило. Чем дольше они встречались, тем более ревнивым и властным он становился. Кэсси сказала, что Лоуз начинал злиться, если она не отвечала на звонок немедленно. Он начал встречать ее с работы – Кэсси работала медсестрой в клинике, – а однажды, обедая с братом, в другом конце зала она заметила Лоуза, который сидел один и просто смотрел на них. Она поняла, что он выследил ее. В следующий раз, когда он позвонил, Кэсси заявила, что хочет сделать перерыв в отношениях. Он согласился, но вскоре девушка убедилась, что он за ней следит. Она видела его на почте, на улице, когда уходила с работы или когда отправлялась на пробежку, ей постоянно кто-то звонил и молчал в трубку. Однажды вечером Лоуз пришел и сказал, что хочет извиниться. Кэсси сделала глупость и открыла дверь. Войдя в дом, он стал уговаривать девушку снова с ним встречаться. Когда Кэсси отказалась, Лоуз схватил ее за руку, она стала отбиваться и в конце концов ударила его вазой. Тогда он швырнул Кэсси на пол и... принялся из-

бывать. Так случилось, что патрульная машина как раз проезжала по соседней улице. Соседи, услышав крики, позвонили в полицию, а машина через считанные минуты оказалась на месте. Лоуз колотил лежавшую на полу девушку, повсюду была кровь. Впоследствии оказалось, что это кровь Лоуза – Кэсси рассекла ему голову над ухом, когда швырнула вазу. Полицейскому пришлось использовать электрошокер. Когда машину Лоуза обыскали, то нашли скотч, веревку, несколько ножей и видеокамеру. Жуткий набор. Кэсси сказала мне, что Лоуз сошел с ума и что она боится за свою жизнь. Ее семья тоже была напугана. Родители и младший брат настаивали, чтобы Лоузу дали срок.

Мария зарыла пальцы ног в песок.

– Я тоже так считала. На мой взгляд, этого парня, несомненно, нужно было изолировать. Все вполне понятно. В Северной Каролине Лоуза обвинили бы в тяжком уголовном преступлении категории В, то есть с покушением на убийство, либо категории Д, то есть без покушения. Семья, особенно отец, требовали категории В – тогда он провел бы за решеткой от трех до семи лет. Офицер, арестовавший Лоуза, полагал так же. Но, к сожалению, окружной прокурор сомневался, что мы сумеем доказать злой умысел, поскольку не было никаких доказательств, что вещи в машине имели какое-то отношение к Кэсси. И полученные девушкой травмы не угрожали жизни. К тому же некоторые показания Кэсси оказались недостоверными... Хотя Лоуз действительно сле-

дил за ней, кое в чем девушка все же покривила душой. Да и сам Лоуз тоже. Он работал в банке и не имел никаких неприятностей с законом. Поэтому в конце концов мы условились, что Лоуз признает себя виновным в преступлении средней тяжести, за которое полагался год заключения. Я допустила ошибку. Потому что Лоуз был действительно очень опасен.

Мария помолчала, собираясь с духом, чтобы продолжить рассказ.

– В конце концов Лоуз получил девять месяцев, потому что три и так уже отсидел в ожидании суда. Он каждый день писал Кэсси, извиняясь за свой поступок и умоляя дать ему второй шанс. Кэсси не отвечала. Она даже перестала читать его письма, но хранила их, потому что по-прежнему была напугана. Впоследствии, при внимательном изучении, мы заметили, как менялся тон писем со временем. Лоуз все сильнее злился, что она не отвечала. Если бы Кэсси их прочла и принесла прокурору...

Девушка взглянула на песок.

– Выйдя из тюрьмы, Лоуз немедленно явился к Кэсси. Она захлопнула дверь и позвонила в полицию. Лоузу запретили с ней контактировать, и после беседы в полиции он пообещал, что больше не подойдет к девушке. На самом деле он просто стал осторожнее. Он посылал Кэсси цветы. Отравил ее кошку. Изрезал покрышки у машины. На крыльце она находила букеты из сухих роз.

Мария сглотнула. Ее трясло, но она продолжала:

– А потом, однажды вечером, когда Кэсси шла к своему парню – тогда она уже встречалась с другим, – Лоуз ее выследил. Парень видел, как Лоуз схватил девушку прямо на улице и запихнул в машину, но не успел помешать. Через два дня полиция нашла тело Кэсси в старом домике на пляже. Лоуз связал ее, страшно избил, затем поджег домик и застрелился сам. Эксперты не смогли определить, была ли Кэсси еще жива, когда...

Она закрыла глаза.

– Их опознали только по зубам.

Понимая, как трудно Марии все это вспоминать, Колин хранил молчание.

– Я пришла на похороны Кэсси, – наконец произнесла Мария. – Наверное, не следовало этого делать, но я решила, что должна пойти. Я пришла уже после начала службы и села в заднем ряду. Церковь была полна, но я видела родных Кэсси. Ее мать плакала не переставая, почти билась в истерику. А отец и брат сидели совсем бледные. Мне стало дурно, я хотела, чтобы все это поскорее закончилось...

Она повернулась к Колину:

– Смерть Кэсси разрушила семью. Они, конечно, были со странностями, но подобной катастрофы никто не ожидал. Через несколько месяцев после убийства миссис Мэннинг покончила с собой, потом у отца Кэсси отозвали медицинскую лицензию. Я всегда подозревала, что у брата с головой не в порядке... но тогда я начала получать жуткие пись-

ма. Они приходили домой и на работу, в разных конвертах, короткие, всего пара строк. Они были ужасны... адресант оскорблял меня, допытывался, почему я ненавидела Кэсси, почему хотела причинить боль ее родным. Полицейские общались с молодым человеком, и письма перестали приходиться. На некоторое время. Потом они снова стали появляться, уже другие. Угрожающие. Парня опять вызвали в полицию, и, наверное, он... просто сорвался. Он утверждал, что невиновен, что я решила избавиться от него, что полицейские в сговоре со мной. Его отправили в психиатрическую клинику, а отец пригрозил подать на меня в суд. Полиция предположила, что письма мог писать бойфренд Кэсси. Конечно, он тоже все отрицал. Тогда у меня и начались панические атаки. Я боялась, что человек, писавший эти письма, никогда не отвяжется. И тогда я поняла, что лучше мне будет уехать домой.

Колин молчал. Он знал, что никакие слова не способны сейчас успокоить Марию.

– Надо было послушать родителей Кэсси. И полицейского.

Колин смотрел на волны. Их неумолчный шелест действовал умиротворяюще. Не дождавшись ответа, Мария повернулась к нему:

– Вам так не кажется?

Он ответил, с трудом выбрав слова:

– Сложно сказать.

– В смысле?

– Судя по вашему тону, вы и без моего ответа уже сделали вывод. Но, если я соглашусь, вам, скорее всего, станет еще хуже. А если я скажу «нет», вы все равно не прислушаетесь.

– Я не знаю, что сказать.

– Необязательно что-то говорить.

Мария вздохнула и положила подбородок на колени.

– Зря я не убедила прокурора и не настояла, чтобы Лоуза обвинили в тяжком уголовном.

– Да, возможно. Но если бы вы это сделали и даже если бы Лоуз сел надолго, итог мог быть тем же самым. Он явно помешался. Если хотите знать, на вашем месте я бы, наверное, поступил точно так же.

– Знаю, но...

– Вы с кем-нибудь это обсуждали?

– С психологом, вы имеете в виду? Нет.

Колин кивнул:

– О'кей.

– Вы ведь не собираетесь меня убеждать?

– Я никому не даю советов.

– Никогда?

Он покачал головой:

– Но вы и не нуждаетесь в моих советах. Если вы считаете, что психолог вам поможет, обратитесь к нему. Если нет – не надо. Я могу только сказать, что лично мне в свое время это помогло.

Мария молчала, и Колин не знал, как она отнеслась к его

словам.

Наконец она произнесла:

– Спасибо.

– За что?

– За то, что выслушали. И не стали давать советов.

Колин кивнул, продолжая смотреть на горизонт. В небе появилось еще больше звезд и засияла Венера – неизменно яркая. По пляжу бродила небольшая компания, и в ночном воздухе раздавался смех. Колину, сидевшему рядом с Марией, казалось, что он знал девушку уже очень давно – гораздо дольше часа, который они провели вместе. Он отчетливо ощутил разочарование, что вечер вот-вот закончится.

Он понял, что расставание близко, по тому, как Мария вдруг напряглась и выпрямила спину. Она сделала глубокий вдох и наконец посмотрела в сторону улицы.

– Боюсь, мне пора.

– Мне тоже, – сказал Колин, стараясь скрыть досаду. – Сегодня я еще надеюсь попасть в спортзал.

Оба встали, и Мария принялась стряхивать песок с сандалий, прежде чем вновь их обуть. Они зашагали обратно к дюнам, за которыми начинались рестораны и кафе. Музыка с каждым их шагом становилась все громче. К тому времени, когда они переступили с песка на твердую землю, улицы уже были заполнены людьми, наслаждавшимися субботним вечером.

Колин шагал рядом, лавируя среди пешеходов, пока они

не дошли до поворота на тихую улочку. Мария, как ни странно, держалась близко, так что временами их плечи соприкасались. Тепло от ее прикосновений сохранялось надолго.

– Какие у вас планы на завтра? – наконец спросил он.

– По воскресеньям я всегда обедаю у родителей. А потом, наверное, поплаваю на доске.

– Правда?

– Это весело. Вы когда-нибудь плавали на доске?

– Нет, – сказал Колин. – Всегда хотел попробовать, но как-то руки не доходили.

– Слишком заняты тренировками?

– Слишком ленив, – признал он.

Мария улыбнулась:

– Ну а вы? Вы завтра работаете?

– Нет. Я побегая, убегусь во дворе, поменяю генератор в машине. Она не заводится.

– Наверное, аккумулятор сел.

– Думаете, я это первым делом не проверил?

– Не знаю. Правда?

Она его явно поддразнивала.

– Ну а потом какие у вас планы, после тяжких трудов во дворе и в гараже?

– Пойду в спортзал. В воскресенье утром там тренируется группа, так что я поработаю в спарринге и в партере, побоксирую, ну, и так далее. Зал держит парень по имени Тодд Дейли, и он нам спуску не дает. Он – бывший профессио-

нальный боец и гоняет нас, как сержант новобранцев.

– Но вы ведь сможете его победить?

– Дейли? Ни за что.

Марии понравилось, что он это признал.

– А потом?

– А потом ничего. Наверное, сяду заниматься.

Они снова свернули и оказались неподалеку от «Дерзкого Пита». Колин узнал машину Марии – он запомнил ее в ту ночь, когда менял колесо. Дойдя до нее, оба растерянно замолчали. Колин чувствовал, что Мария изучала его, словно впервые увидела.

– Спасибо, что проводили.

– Спасибо, что прогулялись со мной.

Она слегка вздернула подбородок:

– У меня есть еще один вопрос.

– О'кей.

– Вы всерьез сказали, что хотели бы поплавать на доске?

– Да.

Мария опустила ресницы и искоса взглянула на Колина.

– Тогда, может быть, присоединитесь завтра ко мне?

– Да, – ответил Колин, неожиданно почувствовав прилив радости. – Охотно. Во сколько?

– Например, в два. Мы сплавим на остров Мейсонборо. Туда непросто добраться, но оно того стоит.

– Отличная идея. Где встретимся?

– Здесь – не лучший вариант. Надо спуститься по Райт-

свилл-Бич, до самого конца острова. Оставьте машину на улице и прихватите с собой несколько четвертаков, чтобы заплатить за парковку. Я буду ждать на пляже.

– Я смогу где-нибудь взять доску напрокат?

– Не нужно, у меня их две. Возьмете ту, на которой я когда-то начинала.

– Отлично.

– Правда, она розовая. И на ней девчачьи наклейки.

– Правда?

Мария хихикнула:

– Шучу. – И добавила: – Удивительно, но я сегодня отлично провела время.

– Я тоже, – искренне произнес Колин. – И буду с нетерпением ждать завтрашнего дня.

Он придержал дверцу, и девушка села в машину. В следующее мгновение она тронулась с места и поехала, а он остался стоять. Вечер на этом мог закончиться, но Мария вдруг затормозила, опустила окно и высунулась.

– Эй, Колин!

– Что?

– Когда завтра будете тренироваться, постарайтесь, чтобы вам не разбили лицо.

Он улыбнулся, глядя ей вслед и думая о том, во что он ввязался. Колин не ожидал приглашения. Шагая к своей машине, он вспоминал минувший вечер, пытаясь разложить все по полочкам. Но, какие бы мотивы ни двигали Марией, он

не мог отрицать, что ему было приятно.

И он хотел снова с ней увидеться.

Да, несомненно.

Глава 6

Мария

– Я так и знала, что он тебе понравится! – завопила Серена. – Ну, я права?

Было воскресное утро, и Мария, как обычно, сидела с сестрой на заднем крыльце, пока мама готовила завтрак. Отец выгуливал Копу, причесанную и чистенькую, с розовым бантиком на шее.

– Я не сказала, что он мне понравился, – заметила Мария. – Я только сказала, что он интересный.

– Но вы встречаетесь сегодня. И он увидит тебя в бикини.

– Я не собираюсь плавать на доске в бикини.

– Почему?

– Потому что я – не ты. Мне будет неудобно.

– Лучше покажи ему побольше своего красивого тела, ведь, поверь, ты захочешь, чтобы он снял рубашку. Если только один из участников процесса что-нибудь демонстрирует, это не так возбуждает.

– Я не хочу, чтобы Колин меня неправильно понял.

– Ты права. Надень спортивные штаны и куртку. Но, знаешь, не важно, как ты будешь одета, я в любом случае рада, что ты наконец идешь на свидание.

– Не делай из мухи слона. Это не свидание. Мы просто

хотим поплавать.

– Да, да, как скажешь.

– Я не понимаю, почему вообще пытаюсь тебе что-то объяснить.

– Потому что знаешь, что я скажу правду. И правда в том, что вы подходите друг другу. Ведь Колин похож на меня.

– Да, конечно. В точку. Это как встречаться с собственной младшей сестрой.

– Я не виновата. Это ты потащила за ним на пирс.

– Я не потащила за ним!

Серена хихикнула:

– Ты стала такая нервная. Но если хочешь совета, все-таки надень под спортивные штаны бикини, ладно? На тот случай, если будет слишком жарко. Сегодня обещают солнце.

– Давай лучше поговорим о тебе. Как прошел вечер?

– Ничего особенного. Мы прошлись по барам и потанцевали. Обычная суббота.

– Как дела со Стивом?

– Он слишком навязчивый, и я не уверена, что мне это надо. Но вернемся к Колину. Он очень красивый.

– Да, я заметила.

– Он не пытался поцеловать тебя на прощанье?

– Нет. И я бы не позволила.

– Правильно, продолжай разыгрывать недотрогу. Парней это заводит.

Мария поморщилась, и Серена вновь рассмеялась:

– Ладно, ладно, не буду. И все-таки я рада. У тебя не только свидание – настоящее свидание, и вдобавок ко всему ты сама его пригласила. Образец современной женщины. И, кстати говоря, я страшно завидую, что ты увидишь Колина без рубашки. Наверняка он сложен как бог.

– Не знаю. Было темно, и он шел сбоку.

– Я хочу фотографий! Ты всегда берешь с собой фотоаппарат. Пожалуйста, сфотографируй Колина.

– Нет.

– А я думала, ты выполнишь хотя бы одну просьбу младшей сестренки, которая к тому же познакомила тебя с классным парнем.

Мария задумалась.

– Ладно. Может быть.

– Супер. А еще лучше, сделай несколько фоток на телефон, пришли мне, и я сразу выложу их в «Инстаграме».

– Ни за что.

– Ты уверена? Ну, тогда я расскажу папе, что ты пошла на свидание с парнем, который сейчас отбывает условный срок.

– Только посмей!

– Шучу, шучу. Я постараюсь оказаться в другом штате в тот день, когда ты ему об этом сообщишь. Предупреди меня заранее, ладно?

– Договорились.

– Но хотя бы сделай селфи с Колином. Прежде чем выложишь все предкам. Это будет напоминанием, что ты когда-то

ходила на свидание. Потому что вряд ли это произойдет снова.

– Ты закончила?

Серена хихикнула:

– Да. Теперь закончила.

Мария увидела колибри, которая пила из поилки, трепеща крылышками. Завораживающее зрелище. Мать тихонько напевала в доме; хотя запах яичницы и жареных бобов обязан был вызвать у нее чувство голода, девушка уже нервничала из-за предстоящей встречи с Колином и потому сомневалась, что сможет что-то проглотить.

– Признаться, я немного удивляюсь, что он... все тебе рассказал, – произнесла Серена.

– Окажись ты на моем месте, ты бы вообще была в шоке. Поверь.

– Но это как-то странно. Таких парней я еще не встречала.

– А уж я-то.

Через два часа Мария уже была дома и придумывала, что надеть. В ушах у нее, все только усложняя, звучали слова Серены. Обычно Мария, даже не задумываясь, надевала шорты и верх от купальника. И уж точно не принимала душ, красилась, не говоря уже о спазмах в животе. Стоя перед комодом, она размышляла, какое впечатление хотела бы произвести. Смелой? Независимой? Сексуальной?

Она подумала: мужчинам гораздо проще. Надень футбол-

ку, шорты, шлепанцы, и вперед. А девушке надо прикинуть длину шортов, и насколько узки, и не лишними ли будут разрезы чуть ниже задних карманов или лучше обойтись более консервативным вариантом. И шортами дело не ограничивалось! Еще труднее было решить, что надеть на верх, особенно если учесть, что Мария не могла выбрать между бикини и купальником. Что бы она там ни говорила Серене, но все-таки она шла на свидание – а в последнее время Мария не так уж часто на них ходила, если не считать неудачного ужина на прошлой неделе. Вдобавок утром и накануне вечером она постоянно думала о Колине. Поэтому Мария волновалась не на шутку.

В любом случае чего она ожидала? Колин был из тех парней, которым она обычно противостояла в суде. Если бы неделю назад кто-нибудь предположил, что Мария пойдет на свидание с обладателем такой биографии, она бы подняла его на смех, но, вероятнее всего, обиделась. После того как Колин проводил ее до машины, нужно было попрощаться и уехать. Сама мысль о том, что сегодня они куда-то пойдут вместе, казалась сущей нелепостью. И все-таки... Мария позвала его плавать, хотя теперь с трудом могла припомнить, как это вообще случилось и о чем она думала в тот момент.

Но в Колине было нечто... притягательное. Это слово пришло Марии на ум, пока она стояла в душе. Чем дольше она думала, тем более подходящим оно казалось. Хотя рассказы Колина временами выбивали ее из колеи, Мария

невольнo признавала, что его прямота – «вот я такой, какой есть, и ты можешь меня принять или оттолкнуть» – была необычной и приятной. Более того, она догадывалась, что Колин раскаивался искренне и сам недооценивал, как сильно изменился. Мария была не настолько наивна, чтобы не понимать, что Колин, возможно, пытался давить на жалость, но это как-то не соотносилось с человеком, который выручил ее на дороге, гулял с ней по пляжу и учился в одной группе с Сереной в надежде однажды стать учителем. Колин ни на чем не настаивал, и, если бы Мария сама не позвала его поплавать, он, скорее всего, распрощавшись с ней у машины, не сказал бы больше ни слова.

Мария признала: ей нравилось, что Колин был так откровенен и честен насчет своего прошлого. Если бы он преподнес такой сюрприз при следующей встрече, Мария решила бы, что ею манипулируют. Она бы разозлилась и даже испугалась. Симпатия, которую она изначально чувствовала, развеялась бы в одно мгновение, оставив девушку в сомнениях: а о чем он еще соврал? Лжецов никто не любит.

Честно говоря, Мария редко встречала людей, которые настолько кардинально изменили свою жизнь, как Колин. Хотя она понятия не имела, к чему приведет сегодняшняя встреча – и не послужит ли она началом чему-нибудь, – девушка все-таки сказала себе: «Хватит переживать!» – и надела черное бикини, узенькие джинсовые шорты с разрезами ниже карманов и облегающую футболку с глубоким вырезом. Се-

рена, в конце концов, была права. Если Колин снимет верх (Мария признала, что ее это совершенно не смутит), то она, по крайней мере, будет готова сделать то же самое.

Колин стоял, прислонясь к машине, когда подъехала Мария. Он помахал рукой, и она молча внимательно его оглядела. На Колине была серая футболка, свободно сидевшая на мускулистых плечах и прикрывавшая торс вплоть до узкой талии. Накачанные руки плотно облегали рукава, и даже издали Мария заметила глубокий серо-синий цвет глаз. Каким бы невероятным это ни казалось, девушка сразу поймала себя на мысли, что Колин стал еще красивее со вчерашнего дня. Когда он отошел от машины и улыбнулся, Мария почувствовала, как внутри у нее что-то дернулось. Внутренний голос прошептал: «Если не будешь осторожна, то попадешь в серьезные неприятности с этим парнем».

Отогнав дурную мысль, Мария помахала Колину из машины, сделала глубокий вдох и заглушила мотор. Как только она открыла дверь, ее охватил жар. К счастью, влажность была минимальная, а легкий ветерок делал зной чуть более терпимым.

– Привет, – сказала Мария. – Ты как раз вовремя.

Она увидела, что он прихватил с собой рюкзак, маленький переносной холодильник и полотенца. Колин наклонился, взял рюкзак и забросил за плечо.

– Я приехал рано, – объяснил он. – И не был уверен, что

припарковался там, где нужно. Здесь ни одной машины.

– В конце острова всегда намного тише, – сказала Мария. – Люди не любят платить. А нам не придется слишком далеко идти.

Она заслонила глаза ладонью.

– Как прошла тренировка?

– Немного напряженнее обычного, но мне не наставили синяков и не сломали нос.

– Вижу, – с улыбкой произнесла Мария. – А другие парни? Ты ведь им ничего не сделал?

– Все нормально, – ответил Колин и, прищурившись, взглянул на сверкающее море. – Ну, теперь твоя очередь. Как прошел обед с семьей?

– Никому не наставили синяков и не сломали нос, – пошутила Мария.

Услышав смех Колина, она заправила прядь волос за ухо и напомнила себе, что не нужно чересчур увлекаться.

– А если серьезно – я, наверное, должна предупредить, что рассказала Серене про нашу сегодняшнюю прогулку. На тот случай, если она поймает тебя после занятий и начнет задавать уйму лишних вопросов.

– А она это сделает?

«Конечно», – подумала Мария.

– Не исключено...

– Почему бы ей не спросить у тебя?

– Она, конечно, и мне позвонит. Серена считает своим

долгом участвовать в моей личной жизни.

– О'кей, – сказал Колин и ухмыльнулся. – Кстати, ты отлично выглядишь.

Мария почувствовала, как к щекам прилила кровь.

– Спасибо. – И добавила, стараясь говорить непринужденно: – Ты готов?

– Жду не дожусь.

– Хорошо, что ветер слабый. Вода идеальная.

Она начала развязывать одно из креплений, удерживавших доски на крыше. Заметив это, Колин подошел, чтобы помочь с другими креплениями. Мышцы его предплечий играли, как клавиши фортепиано, заставляя татуировки бугриться. От Колина пахло солью и ветром. Свежий, чистый запах. Он снял с крыши одну доску, прислонил ее к машине и, проделав то же самое со второй, поставил их рядом.

– Ты хорошо держишь равновесие? – поинтересовался он.

– Неплохо, а что?

– Я кое-что взял с собой, – ответил Колин, указав на переносной холодильник. – Может быть, поставишь его на свою доску? Я не уверен, что у меня сначала будет получаться.

– Ничего сложного, – сказала Мария. – Ты быстро сообразишь. Да, я могу поставить эту штуку к себе. На самом деле здорово, потому что будет куда сложить полотенца. Ненавижу мокрые полотенца.

Она потянулась в салон за фотоаппаратом и ремнями для переноски, стараясь не смотреть на Колина. Девушка доста-

ла ремни и прикрепила их к доскам, чувствуя, что Колин смотрит на нее и радуется произведенному впечатлению. Когда Мария закончила, он забрал рюкзак и обе доски. Марии достались полотенца и холодильник. Оба зашагали к назначенному старту.

– Кстати, а что внутри? – спросила она.

– В основном еда. Фрукты, орехи, вода.

– Здоровая пища.

– Я слежу за питанием.

– А в рюкзаке что?

– Фрисби, футбэг и солнцезащитный крем. На случай если мы высадимся на пляж.

– Я плохо бросаю фрисби. И, честно говоря, никогда не играла в футбэг.

– Значит, мы оба сегодня попробуем нечто новенькое.

Песок на пляже казался почти белым под солнцем. Не считая мужчины, который бросал мячик ретриверу, на берегу было безлюдно. Мария указала рукой в сторону бухты.

– Это остров Мейсонборо, – сказала она.

– До вчерашнего дня я о нем даже не знал.

– Он совсем нетронутый. Ни дорог, ни площадок для пикника. Летом туда плавают на лодках, но недавно я нашла местечко для себя. Там тихо и красиво. Это отличный способ подготовиться к рабочей неделе, особенно если предстоит много дел. У моего босса суд, и я, скорее всего, каждый вечер буду работать допоздна, чтобы подготовить все необхо-

димые материалы. Ну и уезжать из дома тоже буду раньше, чем обычно.

– Ничего себе.

– Нужно работать с опережением, – заметила Мария.

– Зачем?

– Если я не буду выполнять свои обязанности, меня уволят.

– Я в курсе, что работу надо делать хорошо. Это я понимаю. Мне просто интересно, почему тебе так важно добиться успеха.

Мария нахмурилась, сообразив, что Колин – первый, кто об этом спросил. И она растерялась.

– Не знаю, – наконец ответила она. – Наверное, я просто не умею по-другому. Ну, или родители виноваты. Кажется, так обычно говорят психологи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.